

А. Лышков

Олежкины истории

Повести и рассказы

Александр Николаевич Лышков

Олежкины истории.

Повести и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48781642

ISBN 9785005087737

Аннотация

«Олежкины истории» и другие приключения... Нет, не Шурика, но героя, во многом похожего на автора этих рассказов и носящего такое же, как и у известного киногероя, имя – это очередной (если второй считать очередным) сборник повествований, описывающих воспоминания автора о своей молодости и зрелости (автор лелеет надежду, что она всё же наступила), порой забавные, а порой – поучительные. Стиль изложения – ироническая проза. Рассчитан на неограниченный круг читателей возраста 18+

Содержание

От автора	5
Олежкины истории	7
Золотая шайка	76
Трёхболтовое лето	89
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Олежкины истории

Повести и рассказы

**Александр
Николаевич Лышков**

© Александр Николаевич Лышков, 2019

ISBN 978-5-0050-8773-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
«Олежкины истории» и другие приключения... нет, не Шурика, известного всем киногероя, а героя, во многом похожего на автора этой книги и носящего такое же имя, – это второй сборник повествований, описывающих воспоминания автора о своей молодости и зрелости (автор лелеет надежду, что она всё же наступила), порой забавные, а порой – поучительные. Тексты, наполненные иронией, юмором, а местами и философским подтекстом, способны – и автор надеется на это – вызвать интерес у широкого круга читателей.

Рассчитано на неограниченный круг читателей возраста 18+

От автора

В сборник коротких повестей и рассказов вошли тексты, навеянные воспоминаниями автора о днях минувших – как давно ушедших, так и не совсем далёких. Поэтому он может считаться автобиографичным. Тексты, содержащиеся в нём, во многом дополняют повествования, вошедшие в сборник «Быть в форме», хотя, в отличие от него, здесь они изложены от третьего лица.

Так уж получилось, что немало места в описании событий уделено бытовым деталям и характерным особенностям недавно ушедшей эпохи, для многих уже забытой, а кому-то и вовсе не известной. Эпохи довольно противоречивой, со своими строго регламентированными устоями и взаимоотношениями, полной запретов и ограничений, порой доходящих до абсурда, но у многих и по сей день вызывающих определённые ностальгические чувства. Автор не ставил задачу быть её обличителем или защитником и старался быть нейтральным в своих оценках. Просто ирония и сарказм, с одной стороны, теплота и лёгкая грусть о былом – с другой, как бы сами невольно характеризуют его отношение к атмосфере, которая царила тогда, подчас такое же противоречивое. Да это и понятно – жить и дышать воздухом того времени, принимать данность во всей её противоречивости приходилось вполне осознанно, понимая, что иного

выбора, иной судьбы у подавляющего большинства просто не было и быть не могло. И они жили этой жизнью, и каждый в меру своих способностей и своих потребностей (вот уж, воистину, это словосочетание – бессмертное наследие эпохи) искал в ней свою отдушину и зачастую находил её: кто в книгах, кто в искусстве, кто в общении с близким по духу. А кто и вовсе в простых и незатейливых развлечениях или в поиске разного рода удовольствий, далеко не всегда безобидных. И, несмотря ни на что, многие даже умудрялись при этом быть счастливыми. А разве могло быть по-другому?

Прототипами многих героев и действующих лиц явились вполне реальные люди, хотя не обошлось и без частично вымышленных, равно как и полностью абстрактных персонажей. Имена и фамилии многих, как, собственно, и самого автора частично или полностью изменены во избежание обид или упрёков со стороны тех, кого вольно или невольно задела за живое тексты или кто неверно упомянут в них. Хотя автор надеется, что таковых не найдётся, и каждый получит некоторое удовольствие от их прочтения.

Как и прежде, автор выражает свою признательность читателям за обнаруженные в текстах опечатки, о которых просит сообщить по адресу lyshkov@mail.ru

Олежкины истории

Неудавшийся побег

Олежка приоткрыл глаза. Заснуть никак не удавалось. Самое нелюбимое время – тихий час. Только что закончен обед, и все уложены по кроваткам. Некоторые уже спят, кто-то, как и он, продолжает ворочаться и сопеть. Могли бы и вообще отменить это принудительное отлёживание своих боков, а эти всё нянчатся с ними, как с малолетками. Как-никак – старшая группа, почти уже школьники.

Эти – это воспитательницы их детсада. Кроме этих есть ещё и те, или те ещё. Которые из столовой и уборщицы. Его бабушка про них так и говорит: ваши кухарки – это те ещё. Ей всё кажется, что готовят они отвратительно, и масло в кашу не докладывают. А она в этом толк знает – сама работала поваром в яслях, правда, недолго. И хотя она нигде этому не училась, у неё настоящий, просто врождённый талант в том смысле, чтобы приготовить так, что пальчики оближешь. Дядя Саша, местный районный судья и друг семьи, вставая из-за стола, так всегда и говорит, хотя сам этого почему-то никогда не делает. А что касается масла, то бабуля его никогда не жалеет. И сгущёнки разной. Недаром о её пирожных – хрустящих, тающих во рту трубочках и пышном наполеоне среди их знакомых ходят легенды.

За окном, прямо напротив его кровати, в голубом небе

проносятся белые пушистые облака. Они летят столь стремительно, что кажется, зацепись за одно из них – и ты во мгновение ока перенесёшься в какое-нибудь далёкое тридевятое царство. Хотя, если хорошенько задуматься, это тридевятое не выглядит таким уж далёким. И сомнения эти вполне обоснованы. Он может уже, почти не сбиваясь, досчитать до ста: число тридцать девять находится где-то в первой половине этого длинного списка. Ему кажется, что «тридевятое» происходит именно от этого числительного. А его старший брат и вовсе знает числа гораздо крупнее, чем первая сотня. Он уже учится в четвёртом классе и может легко перемножать в столбик их двузначные комбинации. Так хитро он называет эти пары цифр. Хотя комбинацией, насколько Олежка представляет себе из разговоров старших, обычно называется что-то, похожее на длинную женскую майку.

Вообще говоря, со словами и у него временами возникает какой-то мучительный, а иногда и трогательный раздрай. Услышав новое, незнакомое слово, он тут же пытается разгадать его смысл, и, отыскав его, по своему разумению переиначивает на иной манер, сообразуя с найденным смыслом. Это же так логично, а иначе зачем те слова, которые так и норовят обмануть слух. Ведь он для того и дан, этот слух, чтобы понимать всё без лишних объяснений. Например, когда говорят «я тебя сейчас отшл-л-лёпаю», то здесь даже без повышения интонации каждому становится ясно, что его не будут гладить и не расчешут гребешком. А в последних сло-

вах так и слышится ласковое шуршание расчёски в волосах. Кстати, и слово «логично», как-то произнесённое его отцом, на слух воспринималось вполне объяснимым – стоило лишь представить себе что-нибудь, аккуратно разложенное по полочкам.

В мире всё должно быть устроено логично, ладно и чинно. И если это не так, то нужно поправить. Нужно усмирить, притереть и подчистить разнобой избыточных звуков, выправить слоги, эти маленькие самостоятельные понятия, выстроив их – кубик за кубиком – в правильной очерёдности, в нужном ритме, который не позволит им рассыпаться.

Но, к его удивлению, логика эта во многом услышанном работала далеко не всегда. Так было с псевдонимом, которым, как ему казалось, называли психически неуравновешенного человека или попросту психа, донимающего всех своими причудами. Так было и с выеденным яйцом – оно у него было почему-то выведенным, ибо, как ему казалось, нет ничего проще, чем вывести птенца, и занятие это уж точно ничего не стоит. Со временем, конечно, всё вставало на свои места: псевдоним оказывался просто кличкой, а яйцо – съеденным, но это, как правило, наступало значительно позже, чем того хотелось бы, и Олежка ещё долго пребывал в плену филологических фантазий, порой забавляя старших своими наивными откровениями. Похоже, тридевятое царство тоже было из их числа.

Кстати, о числах. Как-то у них с братом завязалась целая

словесная баталия, когда Олежка узнал, что такое «тысяча» и, довольный, похвастался этим. Брат тут же назвал что-то посolidнее и снисходительно улыбнулся. В ход тут же пошли сложносоставные комбинации – Олег уже знал, что это такое, – и в самый разгар их жаркой перепалки в дискуссию вмешался отец, невольный свидетель спора. Он сидел за столом и что-то писал. Сразив их страшно большим числом, который он назвал «квадрильон», и пояснив его значение, отец вернулся к своим бумагам. Спор мгновенно угас. Больше этого могучего числа никто назвать уже не смог и даже не решался – уловки типа «два квадрильона» и иные конструкции из цифр в расчёт не принимались. Ну, а по поводу самого слова, стоит ли говорить о том, что оно в первое мгновенье вызвало в сознании Олега образ гигантской квадратной эскадрильи самолётов, летящей высоко в небе и почти полностью застилающей собой солнечный свет.

А улететь вместе с облаком или каким-то другим волшебным способом покинуть этот садик ему хотелось уже давно. Правда, со временем это желание несколько притупилось. Но в первые дни своего пребывания здесь – а было это больше года назад – оно было просто мучительным. Да и, вообще, оказался он здесь, на его взгляд, по какому-то странному недоразумению.

Как-то, прогуливаясь по дворику, примыкающему к их дому, и не зная, чем себя занять, он откликнулся на предложение матери пойти с ней в какой-то садик, где много детей

и где всегда весело. Он перестал орудовать лопаткой в песочнице, пытаясь докопаться до сырого песка – в таком виде он лучше формовался, и с интересом взглянул на мать. Она шла на работу и, остановившись рядом с ним, как бы невзначай позвала с собой.

– Там тебе будет интересно, там игрушки разные и площадки с качелями. У тебя появятся новые друзья, – продолжала она, попутно сама увлекаясь этой темой. – А вечером я тебе куплю конфет.

Дома у них всегда безотлучно находилась бабушка, поэтому пристраивать куда-то ребёнка не было особой необходимости. Вот и сейчас она сидела на скамейке неподалёку и прислушивалась к их беседе. Олежка задумался на секунду. Вообще-то его и так всё устраивало. Но почему бы не попробовать? К тому же конфеты. Последний аргумент склонил чашу весов его сомнений в пользу предложения, и он протянул руку.

В садике Олежку встретили не особо приветливо. Да и обстановка здесь была весьма далёкой от той, которую обещала мама и какую рисовало его воображение. Девчонки все как на подбор были чересчур визгливыми; они постоянно ссорились из-за обладания Мальвиной – единственной куклой с огромными, закатывающимися при наклоне глазами. Мальчишки были под стать им, такими же горластыми и задиристыми, а обещанные игрушки – потасканными и облезлыми: в деревянных наборных пирамидках недоставало ко-

лец, а единственный волчок, разгоняясь, противно поскрипывал и дребезжал. Ручка у него болталась и то и дело норовила вывалиться из прорези.

Воспитатели постоянно призывали горлопанов к тишине, одёргивали шалунов и без устали, нахмутив брови, расставляли особо отличившихся по углам. Углы эти почти никогда не пустовали. Всё это несколько обескураживало: совсем не так представлялся ему детский сад, когда он шёл сюда в первый день. Поэтому знакомиться с детьми и сходить с кем-то из них ближе как-то не тянуло.

Но и это было не самым печальным. Для организованной прогулки их выстраивали в колонну, и ребяташки, попарно держась за руки, медленно выходили за ворота садика и ползли по скучному и унылому маршруту. Если бы Олежка знал восточную мудрость о скорости каравана, он бы сразу безошибочно угадал того, кто больше других претендовал на звание самого старого и немощного верблюда. И хотя тот был совсем не старым, назвать таковым можно было бы грузноватого и неуклюжего Петьку Савкова, у которого вечно на ходу развязывались шнурки на ботинках и что-то высыпалось из карманов. Ко всему прочему мальчиков ставили в пары с девочками, что ни тех, ни других не устраивало, а у доставшейся ему в напарницы Аньки Стёпиной руки всегда были холодные и неприятные, к тому же сплошь покрытые цыпками. Да и говорить с ней тоже было не о чем.

Прогулка обычно проходила по парку, который граничил

с территорией садика. Спускаясь вниз, Олежка каждый раз наблюдал, как бегущий по придорожной канаве ручеек, преодолевая небольшие перекаты, распадался на звонкие, журчащие струи. Обтекая препятствия и падая с них, эти струи взбивали на поверхности воды лёгкую, пушистую пену. Она была, пожалуй, единственным, что неизменно приковывало к себе его внимание на протяжении всего спуска в парк и по дороге обратно. Но, как он ни старался, ему не удавалось разглядеть в ней даже маленькие зародыши пенопласта, этого загадочного воздушного материала, из которого рыбаки вырезают поплавки для своих удочек. Видимо, прошло ещё недостаточно времени, чтобы он смог как следует спрессоваться. Весна была в самом разгаре, снег ещё не успел полностью растаять, и ручьи только недавно активно принялись за свою работу. Да и наблюдал за этой пеной он ещё только первую неделю. К осени здесь, наверняка, будут плавать солидные куски этого странного желтоватого вещества.

Олежка представил себе сборщиков пенопласта, с мешками в руках обшаривающих русла ручьёв и заглядывающих под кусты в поисках затаившихся там обломков. Но будет ли он свидетелем этой картины? Это навряд ли.

Решение созрело молниеносно. Бегаёт он быстро, дорогу домой знает неплохо. С него хватит. Тем более что обещанных конфет он так и не увидел, и совесть чиста. Он бросил вялую руку своей молчаливой спутницы и устремился вверх по дороге, ведущей из парка. Бежалось весело и лег-

ко, и грудь распирала радость. Казалось, с души свалился какой-то камень. Так обычно выражалась бабуля, когда обнаруживала затерявшийся рубль в одном из многочисленных карманов своего пальто.

Вот позади остались парковые ворота, справа мелькнуло здание садика, впереди – позолоченный купол дворца. Прямо – пять минут, потом, за зданием милиции – направо, а там ещё пять минут – и ты дома. Свобода!

За спиной явственно послышалась чьи-то тяжёлые шаги. Этого не может быть! Неужели его мог кто-то догнать? Сложившееся к пяти годам представление об устройстве мира стремительно пошатнулось, небо качнулось, и земля стала уходить из-под ног. Это чья-то рука схватила его за шиворот и слегка приподняла в воздух. Перед глазами мелькнуло здание милиции, которое сменилось искажённым от негодования лицом Татьяны Степановны. Её имя он уже успел запомнить. Через мгновение он снова стоял на земле, развёрнутый лицом к ненавистному садiku. Его ладонь была крепко стиснута в руке воспитательницы. Молча, не говоря ни слова, она потащила беглеца в сторону покинутой, казалось бы, навсегда детской невольницы.

Остаток дня он провёл, стоя в углу большой комнаты, обиталища их младшей группы; свидетели его неудачного побега деловито копошились в гряде игрушек и иногда с интересом поглядывали на него, словно видели впервые.

Вечером мать отчитывала его за странную выходку. Она

была очень огорчена и встревожена произошедшим. Татьяна Степановна, рассказывая ей о случившемся с широко раскрытыми, как у Мальвины, глазами, просила что-нибудь непременно предпринять по этому поводу. Ей-то что: убежал бы себе – и ладно. Меньше нарушителей – меньше тревог. Странные эти взрослые. Олег молчал, потупив глаза, и кивал – да, этого больше не повторится. Ему было жаль расстроенную из-за такого пустяка мать. О конфетах он упоминать не стал.

С тех пор желание убежать из садика сковывалось данным тогда обещанием. Но иногда, как сегодня, оно снова становилось нестерпимым.

Секреты с конфетами

Гулять по парку – очень странная затея. Все эти мраморные скульптуры с прилепленными к голому телу листочками – как они там только держатся, – эти фонтаны с бесцельно разлетающимися в стороны струями, эти ровные аллеи с подстриженными на квадратный манер кустами взывают скуку и уныние. Утром в парке хозяйничают одни садовники в синих халатах с ножницами на концах своих длинных шестов. Глядя на их усердие, Олежка думает: дать им волю, так они все парки и леса в округе почикут и оболванят так, что даже звери начнут шарахаться от этих шариков и кубиков. А птицам и вовсе гнёзд будет свить негде. Бабуля тоже недовольна, когда видит плоды трудов подобных мастеров,

увлечённых своей работой.

– Ну тебя и почикали! – говорит она, огорчённо качая головой и забирая его из парикмахерской.

Некое разнообразие в этот подстриженный и отутюженный мир вносит, разве что, маленькая собачонка, носящаяся по кругу в чаше небольшого фонтана и пытающаяся струйкой воды, бьющей из её пасти – что за нелепость, эти взрослые совершенно не в курсе, откуда берутся у собак струйки, – дотянуться до испуганно крякающей уточки. Или шутихи – такое место, где дядька из кустов посетителей водой обливает. А им, подмоченным снизу, и невдомёк, почему вода из земли вдруг бить начинает. Женщины – так те сразу в сторону. А мужики довольны, особенно, если день жаркий выдался. Жмут ногой на разные камушки и ждут, когда вода из щелей брызнет! Наверное, этот виноват. Или вот этот. Осторожно так шупают, лица у всех сосредоточенные. Смотреть на это потешно, но быстро надоедает. В общем, скукота.

То ли дело – территория их садика. При всей своей неприязни к зажатым в заборы пространствам Олежка осознаёт, что здесь каждый сможет найти себе занятие по душе. И в этом смысле садик не так уж плох, как ему показалось вначале. Здесь можно покататься на велосипеде вокруг большой клумбы, если он у тебя есть, конечно. Можно влезть своей шуплой задницей в канатную петлю карусели с названием «гигантские шаги» и, оттолкнувшись посильней от земли, попытаться догнать едущего впереди и весело пнуть его

ногой. А можно спрятаться от солнца в беседке и, забившись в дальний её угол, слушать там страшилки про оживающую по ночам кровавую механическую руку или про вампиров, живущих в подвалах и охотящихся на маленьких детей. Особенно славится этими байками Митька Чернов. Обычно он узнаёт о них от своего старшего брата, мастера на такого рода выдумки и большого фантазёра, и потом с удовольствием делится ими со своими друзьями. Ему нравится наблюдать, как те, разинув рты и выпучив глаза от страха, жмутся друг к другу в полутьме беседки.

А ещё можно устраивать в разных местах секреты и тайком от других показывать их своим приятелям. Делается это очень просто: выкапывается небольшая ямка размером с ладонку и на её дно укладывается конфетный фантик, лучше серебряный или золотистый, и, желательно, имеющий цветной рисунок или какие-нибудь узоры. Можно на него сверху положить головку мать-и-мачехи или другого цветка, на своё усмотрение. Но Олег такого никогда не делает. Он знает, что это девичий удел, можно сказать, их главная слабость. И по наличию цветка всегда можно понять, кому этот секрет принадлежит. Он же устойчиво причисляет себя к мальчикам, а потому к пышным украшениям равнодушен.

Его скупой арсенал, помимо фантика, ограничивается маленькими зелёными осколками разбитой бутылки или медной монеткой, если посчастливится разжиться таковой. И тогда это уже целый клад. Всё это богатство накрывается об-

ломком стекла – этого добра во дворе садика всегда навалом – и сверху присыпается землёй, а ещё лучше – песком. Для надёжности можно сюда также добавить сорванной травы. И всё – секрет готов. Теперь можно порыться пальцем в известном одному только тебе месте, где спрятано твоё сокровище, тщательно очистить от песка поверхность стекла и показать его приятелю.

Считается, что эти тайники приносят владельцу особую значимость и даже могущество. Иногда слышно, как кто-то задаёт вопрос товарищу – а у тебя сколько секретов, и вслед за прозвучавшим ответом выносит приговор – эх, слабак, у меня на два больше! Наверное, в садике уже и живого места не осталось, думает Олежка. Всё в секретах.

Но не всё с этим делом обстоит столь невинно и безобидно. Некоторые умудряются поймать живого жучка и, спрятав его под стеклом, страшно этим гордятся. Их так и распирает от удовольствия, когда они наблюдают, как тот, перебирая лапками, пытается выбраться наружу. Бедные животные, думает Олежка.

Мама говорит, что над маленькими и беззащитными издеваются только изверги. Он не очень себе представляет, кто это такие, но в этом слове ему слышится что-то подземное и звериное. Впрочем, он знает, что жучков под стекло прячут совсем не они, и начинает сомневаться, так ли всегда права его мама. Но сомнения исчезают, когда в одной из радиопередач он слышит, что изверги эти губят также и невинные

детские души. А это значит, думает он, что эти злодеи добрались уже и сюда и принялись за своё чёрное дело. И обитают они, скорее всего, в подвальном помещении котельной, в окошко которого время от времени загружают уголь. Самое удобное для них место. Олег на всякий случай старается держаться от него подальше.

А что касается жучков, то в таких случаях он, дождавшись, когда обладатель секрета отвлечётся или уйдёт куда-нибудь подальше, осторожно разгребаёт темницу и освобождает томящегося в ней пленника. Пусть хотя бы этот бедолага не испытывает здесь того мучительного томления, которое знакомо ему не понаслышке. А почему осторожно – чужое имущество (и особенно эти секреты) строго охраняется бытующими в их среде негласными законами. Откуда они взялись – история с этим довольно поучительная и неприятная. Даже вспоминать не хочется.

Как-то после обеда, перед тихим часом, в помещении туалетной комнаты – в это время здесь всегда оживлённо – с заговорщическим видом появился Колька Волков, известный всем заводила и проказник.

– У Надьки Кругловой в шкафчике раздевалки спрятаны конфеты. Я сам видел. Кто хочет попробовать, пока спать не уложили?

Вызвалось несколько добровольцев.

– А ты идёшь? – спросил Колька Олега, тоже бывшего свидетелем этого разговора.

Олежка пожал плечами. Конфет ему не то, чтобы не хотелось, но было как-то неловко брать их без спроса.

– Что, боишься? Маменькин сынок!

Все посмотрели на него. К трусам он себя не причислял, и услышать такое обвинение было довольно обидно. Тем более прослыть маменькиным сынком – пойдя потом, отмойся. Он двинулся вслед за остальными.

В помещении раздевалки заговорщики открыли указанный Волковым шкафчик и в самом деле обнаружили там кулёчек с ирисками и леденцами. Расхватав конфеты, они принялись набивать ими рты. Кто-то не ограничился ртом и сунул кое-что ещё и в карман, про запас. Олежка взял леденец. Он уже знал, что, выковыривая застрявшую во рту ириску, можно легко вытащить вместе с ней едва шатающийся зуб. А он ещё вполне мог бы послужить. За этим занятием их и застала Татьяна Степановна. Как она узнала об этом – одному лишь богу известно. У неё всегда было чутьё на всё то, что шло по нехорошему, с её точки зрения, или по неправильному сценарию, как она любила выражаться. Здесь они оба совпали.

– Кондратьев, и ты здесь?! Я так и знала.

На её лице мелькнула тень какого-то злорадства. И чего такого она так и знала? Дальше всё шло по привычной схеме – угол, беседа с принимающим чадо родителем, домашние разборки.

Телесные наказания в их семье были как-то не приня-

ты. Нельзя сказать, чтобы этим совсем не грешил отец: иногда он мог вгорячах как следует шлёпнуть провинившегося по заднице или отодрать его за ухо. Фронтовик всё же, войну прошёл, а там и не такое бывало. Потому нервы порой могут и не выдержать. Кстати, взрослые часто путают, называя невроз неврозом. Но здесь они его с толку вряд ли собьют.

На Олежке рукоприкладство практиковалось крайне редко – поводов к этому он почти никогда не давал. Вот и в этот раз отец ограничился прочтением нотации о недопустимости воровства, а мать повела его в магазин и демонстративно купила здоровенный куль конфет с пряниками. Наверное, хотела его накормить так, чтобы глаза на эти сладости смотреть больше не могли. Есть такой способ. Мама рассказывала, что, когда бабуля приехала к ним на север, чтобы помочь ей нянчиться с только что родившимся старшим братом, она с жаром накинулась на красную икру. Отец тогда получал её в составе морского пайка, и дома она не переводилась. Так вот, бабуля потом больше года видеть эту икру не могла. Но эти ожидания обманули Олежку. Каково же было его удивление, когда мама на следующее утро, передавая сына воспитательнице, вынула этот куль из сумки.

– Отдай это Наде и извинись.

– Это за одну-то конфету?

– Это за то, что ты не только не задумался над тем, хорошо ли брать чужое, но даже сделал это.

Озадаченный таким её решением, он всё же выполнил

этот наказ. Как сказал бы дядя Саша, любитель хитроумных и малопонятных фраз, несоразмерность компенсации была явно налицо: она значительно превышала величину нанесённого им ущерба. Олежка сформулировал для себя это несколько проще – ничего себе?! Но, одновременно с этим, он понял также, что, если ты попался на мелком воровстве, готовься к утрате всего своего имущества. Из этого можно было сделать два вывода – либо никогда не попадайся, либо не воруй. Он без колебаний остановился на последнем. И то, что Надька молча приняла внушительный куль как должное, ещё более утвердили его в своём выборе. Для его приятелей этот урок, похоже, тоже не прошёл бесследно. На пропажи в садике больше никто не жаловался.

Пятый

– Сокол, сокол, я пятый, – повторяет Олежка, прижавшись губами к микрофону. – Как слышите? Приём.

Он подносит микрофон к уху и прислушивается, затавив дыхание. Опять никакого ответа. Наверное, он нажал не на ту кнопку. Он вертит в руках загадочный чёрный предмет, напоминающий нижнюю часть корпуса телефонного аппарата с торчащим из него проводком, к которому неумело прикручен наушник. Может быть, нужно нажать ещё и на эту, торчашую сбоку, малоприметную пимпочку?

Как этот пластмассовый обломок оказался в куче игрушек, никто уже не помнит. Петька Савков утверждает, что

это рация. Ему можно доверять, его отец работает на заводе, где ремонтируют танки. Он же принёс из дома наушник, который он выдернул из старого шлемофона. Он говорит, что у отца таких несколько штук, и он ездит в них на мотоцикле. Петька хотел принести в садик шлемофон целиком, но ему не разрешили.

Олежке очень хочется выйти в эфир. Так обычно говорит диктор, начиная очередную радиопередачу. Может, его, этого эфира, просто слишком мало в игровой, и поэтому его никто не слышит? Он знает, что баночка с таким эфиром стоит в шкафчике в помещении медицинского пункта, и когда сестричка открывает её, чтобы помазать им лопатку или плечо после укола, воздух сразу наполняется каким-то характерным запахом, который ни с чем не спутаешь. Его слышно не только в дальнем конце очереди, стоящей на прививку, но и даже за дверями. И тогда всем в садике ясно – сегодня плановая прививка. Поэтому понятно, что, раз этот эфир обладает такой всепроникающей способностью, то именно по нему и бегут эти загадочные радиоволны. Вот бы раздобыть эту баночку и открыть её рядом с рацией! Он даже представляет себе радиостудию, где рядом с микрофоном выстроена целая батарея таких баночек, и поэтому выходу в эфир ничто не мешает.

Олежка переводит взгляд с дверей в медпункт на рацию и приступает к очередной попытке. В последовательности, отличной от предыдущей, он старательно нажимает на вы-

ступающие части рации и поворачивает в новое положение всё то, что хоть как-то может быть повернуто. Он почти не сомневается, что, помимо эфира, в этом тоже кроется какой-то особый секрет. Просто многие слишком нетерпеливы в поисках правильного решения и бросают это дело на полпути. Но у него это обязательно получится, рано или поздно.

– Сокол, я пятый. Вас не слышно. Приём.

Почему «пятый»? Потому, что «десятый» – это позывной его отца. Иногда в училище, где он служит, объявляются сборы по тревоге. Это происходит обычно ночью, под утро. Надо же такое удумать! А то эти командиры не понимают, что ночью у людей бывают дела и поважнее! Именно так они опять поступают накануне. Олежка вспоминает прошедшую ночь и вновь переживает её перипетии.

Он слышит сквозь сон, как разбуженный телефонным звонком отец выходит в коридор и снимает трубку. Потом он набирает чей-то номер и произносит странную фразу «Вас вызывает десятый». Больше он ничего не говорит и нажимает на рычаг отбоя, а затем снова накручивает диск на телефоне и, дождавшись ответа, опять произносит эту же загадочную фразу. Так продолжается минут пять. Потом он достаёт из-под кровати тревожный чемоданчик и куда-то уходит.

Олежку всегда удивляет, почему отец называет этот чемоданчик тревожным. Ведь так обычно называется то, что вызывает страх или опасение. Но содержимое чемоданчика вполне себе безобидно: он как-то видел, как отец его укла-

дывает. Самое опасное в нём – это складной перочинный ножик. А кроме него там всё очень домашнее и вполне себе мирное: тёплое бельё, плащ-палатка, фонарик, пачка хрустящих галет и даже сгущёнка. Наверное, у военных, как и у бабули, тоже бывают чёрные дни.

Вся эта атмосфера таинственности, наполненные непонятным смыслом переговоры по телефону захватывают Олежку и будоражат его воображение. Сон снимает как рукой. Он представляет себе, как отец с чемоданчиком в руке появляется на плацу и под покровом ночи, шаря фонариком, ищет своё место в строю. Наконец он находит девятого и становится вслед за ним. К нему в спину пристраивается одиннадцатый, и вскоре полностью сформированная колонна направляется на выполнение ответственной боевой задачи.

Сонливость снова овладевает им, глаза прикрываются. На стене в углу комнаты возникает прямоугольное пятно света. Оно становится ярче и медленно перемещается к центру стены, и вместе с этим нарастает шум мотора. Ррр-у-у-у-ффф. Это машина, она проходит мимо, и шум стихает. Пятно съёживается, тускнеет и гаснет в углу. Но это не просто машина, догадывается он. Это грузовик, в котором увозят собранных по тревоге. Вот ещё один. Ррр-у-у-у-ффф. Становится не по себе.

Он расталкивает Мишаню – хватит спать: не слышишь, что ли, тут такое происходит! Но что с него взять: у Мишани одно ухо надорвано и обвисло, видать, медведица-мать ему

его отдала. Привычка у них такая, у медведей, всем на ухо наступать. Второе тоже замялось. Попробуй, расслышь тут! Недовольный взгляд на Олежку. Пора бы его привести в порядок: шерсть уже неделю нечёсанная, местами свалалась, а на спине и вовсе пролежень. Но друг надёжный.

– Сиди здесь, в углу, у подушки, и смотри внимательней, – шепчет он ему заговорщически, указывая на стену. – Если пятно остановится напротив и хлопнет входная дверь, дай знать.

Блестящие бусины глаз приятеля впиваются взором в стену. Вдвоём наблюдать не так страшно. Ррр-у-у-у-ффф, Ррр-у-у-у-ффф. Тёмные полосы между пятнами становятся всё уже, и вскоре почти непрерывная жёлтая река медленно течёт по стене. Её волны уносят куда-то вдаль не только военных, но и всё население городка. На него накатывается внезапная тоска и чувство одиночества.

Почему они забыли его? Наверное, потому что у него нет позывного с номером, закрепляющим за ним положение в строю и место в машине, а раз так, то его просто оставили здесь, в этой несчастной кроватке. Хочется вскочить, подбежать к окну и, что есть мочи, крикнуть им, чтобы они услышали его и взяли с собой. Но ноги ватные и рот не разлепить.

– Олежка, роднуля, пора вставать. Что-то ты под утро весь искрутился, всё одеяло перебуровал.

Голос бабули. Неужели ему всё это приснилось? Из кухни доносится и другие голоса: мать собирает брата в школу. Ну

так и есть, это был всего лишь сон, и никто никуда не уехал.

Мишаня сидит рядом продолжает сверлить бусинами стену. Наверное, не выспался, бедняга. Он бережно кладёт его на подушку – отбой тревоги. Но, как бы там ни было, позывной у него всё же должен быть. И лучше бы – с числом, чтобы не путаться ни при каких обстоятельствах. И ещё, чтобы отец был неподалёку.

В наушнике по-прежнему тишина.

– Сокол, сокол, я пятый. Вас не слышу. Приём.

Странная находка

Олежка ковыряется палкой в песочной яме. Ему хочется знать, на какую глубину уходит в ней песок. Вопрос глубины почему-то всегда его волнует. Особенно он любит, надев сапоги, измерять глубину воды в лужах и отыскивать там самое глубокое место. Часто это заканчивается тем, что вода переливается через край сапога, и приходится разуваться и сливать её, чтобы не хлюпало. Но это его не останавливает. И домой для смены носков, как это делают некоторые неженки, он не спешит несмотря на то, что в мокрых носках гулять не очень-то приятно. А всё потому, что его могут отругать и оставить дома, а тогда – всё, прощай, улица. Поэтому высокие сапоги, а ещё лучше – с отворотами, как у дяди Васи из соседнего подъезда, которого все называют заядлым охотником (он, видимо, в них охотится за какими-то дикими ядлами), его самая большая мечта. Если не считать велоси-

пед с трещоткой, которая нужна, чтобы не крутить педали всё время.

Яма, в которой он копается – это вовсе не песочница. Это специальное место для прыжков, и песок здесь, наверное, для того, чтобы ноги не отбивать, когда высоко подпрыгиваешь. Оно так и называется – яма для прыжков. Правда, он никогда не видел, чтобы здесь кто-то прыгал. Но раз Татьяна Степановна говорит – Кондратьев, хватит портить яму для прыжков, значит так оно и есть. Хотя это очень странное название. Потому что это никакая не яма вовсе, а совершенно ровное место. Находится она на стадионе, напротив их садика. Сюда их иногда выводят на прогулку. Рядом – футбольное поле. Но сегодня здесь никто не играет, и даже не тренируется, а жаль.

Ему всегда интересно наблюдать, как футболисты гоняют по полю мяч и громко выкрикивают при этом разные слова. Дай пас – требует один, и Олежка понимает, что это он таким необычным способом просит у товарища мяч. Сказал бы просто – дай мяч. Так ведь нет, мудрит. Наверное, хочет обмануть противника. А тот ему в ответ – не дам, ты всё время в овсе пасёшься. То, что он имеет в виду «офсайд», Олежка поймёт гораздо позже, но пока он без труда догадывается, что речь идёт таком сорте густой травы, которая идёт на корм лошадям, и в которой мяч точно может застрять. Поэтому и правильно, что не даёт. Хотя, где он там овёс увидел – трава как трава.

Некоторые слова он и вовсе не понимает. Те, что футболисты часто выкрикивают после столкновений или после ударов мимо ворот. Когда Олежка вырастет и будет играть в футбол, в чём он нисколько не сомневается, он уж точно не промахнётся с такого близкого расстояния.

За игрой обычно следит судья в полосатой футболке. Вроде их знакомого дяди Саши. Когда он со своей женой приходят к ним в гости, Олежка часто слышит, как тот долго и с удовольствием рассказывает о прошедшем накануне матче. Это его любимая тема, и рассуждает он с большим знанием дела. Но здесь, на этом поле, Олежка его никогда не видел. Наверное, он довольно известный судья, а тут играет только местная заводская команда, и иногда – школьники.

А ещё здесь играют в мотобол. Это тот же футбол, только на мотоциклах. И игроков на поле меньше, а мяч такой огромный, что ему по пояс будет, если не по грудь. Вратарь у них тоже с мотоциклом, только с маленьким и лёгким, похожим на велосипед. А почему мотоцикл – это видно по мотору, хотя он никогда не работает. Вратарь всё время таскает его в руках вдоль ворот и отбивает им мячи. А бросать мотоцикл и отбивать мяч двумя руками нельзя, правилами запрещено. Это Олежка уже усвоил твёрдо.

А зимой здесь каток и музыка. В углу – раздевалка, в центре – ёлка, и все чинно катаются по кругу: кто парами, кто просто так. А мальчишки всё больше гоняются друг за другом или сбивают девчонок. Они осторожно подкатываются

к ним сзади и слегка бьют рукой под коленками. Те, как покошенные, с криками валятся на лёд. Когда он вырастет, он тоже будет сюда приходить. Это же так здорово! Нет, не девочек сбивать, уж больно много визга от них. Просто кататься. Пока же он только пробовал это делать прошлой зимой на прудике возле своего дома. И было это даже не на нормальных коньках, а на снегурках. Это такие коньки с завитками на концах, которые бечёвками прикручиваются к ботинкам. Или к валенкам, как это сделал ему папа. Кататься ему понравилось. А на этом катке на таких снегурках не покатаешься – мальчишки засмеют. Да он ещё и толком-то держаться на них не умеет.

Олежка разрывает песок на приличную глубину, но дна всё нет. Внезапно палка натывается на что-то твёрдое. Может, это камень? Он делает ямку пошире. На дне появляется что-то круглое и, судя по ржавчине, металлическое. Наверное, кусок трубы. Он поддевает его палкой и выуживает на поверхность довольно странный предмет. Величиной с небольшую грушу, тяжёлый и широкий у основания, он постепенно сужается кверху. Если бы Олежка знал название геометрических фигур, то сравнил бы его с усечённым конусом. Но пока на ум приходит только образ гриба с ещё не раскрывшейся шляпкой. Типа мухомора. Такие иногда встречаются в парке, когда они с бабулей по осени собирают опята.

Эта аналогия приходит к нему сама по себе, как это часто бывает со словами. Увидев что-нибудь незнакомое, он тут же

сравнивает это с уже известным. Потому как суть у многих разных вещей довольно схожая, если не одна и та же. Просто она с виду немного другая, и спрятана от разных умников, которые всё время изобретают что-то новенькое и важничают при этом. А нужно всего-навсего правильно разглядеть её. Например, когда он в первый раз увидел стрекозу, сидящую на травинке, он сразу понял, что это маленький вертолёт, и ничуть не удивился, когда она полетела. Родители часто посмеиваются над его забавными открытиями.

Сверху шляпка у этого мухомора аккуратно так срезана, словно каким-то не очень опытным грибником для пробы, а снизу торчит короткая толстая ножка с бороздками. Такие делают, чтобы что-нибудь прикручивать друг к другу. Верхний срез мухомора внутри полый и сплошь забит ссохшейся глиной. Надо бы очистить и посмотреть, что там внутри.

Острым концом палки он поддевает глину, и в глубине отверстия открывается чёрная блестящая поверхность, похожая на застывшую смолу. Ему хочется расковырять и её, но смола достаточно прочная, и даже гвоздь, который он подбирает рядом с ямой, тоже не способен этого сделать. Может, попробовать постучать по наконечнику камнем, чтобы расколоть чёрную пробку или выбить её из отверстия? Наверняка там, внутри, кроется самое интересное.

В поисках подходящего булыжника он оглядывается по сторонам. Но тут его что-то останавливает. Мухоморы – грибы вредные и опасные, всплывают в его памяти слова ба-

були. Пожалуй, лучше держаться от этой находки подальше. Подойдя к забору, он просовывает руку в широкую щель и бросает странный предмет подальше, в кусты.

Через несколько дней он слышит, как отец, вернувшийся с утренней пробежки, возбуждённо рассказывает маме, что в парке, рядом со стадионом, он нашёл взрыватель от снаряда. В чём в чём, а в этих вещах он прекрасно разбирается – на войне он был артиллеристом. Отец не на шутку встревожен – ведь туда часто выводят на прогулку их детей. И слава богу, что никто не наткнулся на него, иначе могла бы случиться большая беда.

Олежку посещает внезапная догадка: ведь речь идёт не о чём ином, как о давешнем «мухоморе». По его спине пробегает холодок. Он потрясён. Он первый раз в своей жизни вдруг осознаёт, что жизнь – вещь хрупкая и конечная. Из оцепенения его выводит голос матери:

– Ну что ты там сидишь? Одевайся быстрее, я на работу опаздываю.

Какая работа, о чём она говорит! Разве она не слышит, как звук тикающих часов вдруг заполнил собой всё помещение комнаты и отчётливо отдаётся у него в ушах? Это не часы, это самая настоящая часовая мина! И когда-нибудь она обязательно взорвётся...

О пользе честности

– И что это ты взял в моду в последнее время во всём

отпираться? – упрекает его мать. – Был ребёнок как ребёнок, а тут – на тебе. Как подменили.

А то вы сами не знаете, думает про себя Олег. Действительно, раньше он особо никогда не таился, и, если случилось набедокурить, он не юлил и честно во всём признавался. Его, конечно, ругали и на время лишали привычного положения любимчика. Старший брат в таких случаях торжествовал – не всё же одному ему отдуваться. В школе у него не всё складывалось благополучно с учёбой, и от отца ему пророй крепко доставалось. Например, когда вдруг обнаружился спрятанный в подвале дневник с двойками или с записями классной руководительницы. Брат её недолюбливает, и Олежку всегда удивляет, почему тогда он часто называет классным всё то, что ему нравится.

Но вскоре всё возвращалось в прежнее русло, Олежкины проколы забывались, и жизнь текла своим чередом. И тут он вдруг решил пойти ещё дальше в своём чистосердечии. Потому, что в садике им сказали, что если говорить родителям правду и признаваться в том, что совершил нехороший поступок ещё до того, как это станет известно старшим, то можно и вовсе обойтись без наказания. Это открывало перед ним, как говорил какой-то дядечка по телевизору, широкие «перспективы». Олежка понимал, что под ними он подразумевал что-то вроде больших и хорошо освещённых улиц.

Случай проверить это представляется довольно скоро. Обстановка на передовой складывалась крайне драматично.

Понятие «драматично» было ему знакомо – это когда оба уголка рта опускаются вниз, как у одной двух театральных масок. Именно так сейчас и выглядел командир отряда осаждённых Юрка Черемных. «Немцы» наседали, а «наши», бывшие этими самыми осаждёнными, вынужденно заняли глухую оборону в районе сарая, не имея даже пути к отступлению. Пули – незрелые жёлуди – угрожающе свистели над головой. Радист обречённо вызывал подкрепление, но сверху приходил только приказ держаться до последнего. И вот тут Юрка неожиданно нащупал выход из, казалось бы, тупиковой ситуации. Он приказал Олежке тайно зайти «немцам» в тыл, открыть оттуда беглый огонь и громко кричать разными голосами. В общем, постараться наделать побольше шума. Возникшим замешательством можно было бы воспользоваться для прорыва к кустам шиповника, откуда с помощью его увесистых плодов попытаться нанести урон силам противника. Или хотя бы ушиб. Идея была неплохой.

Чтобы не терять времени и не оббегать весь дом вокруг, Олежка воспользовался подъездом – в их «десятке» все подъезды сквозные. Штука, весьма удобная для игры с преследованием или в ту же войнушку. Наверное, дом строили бывшие фронтовики.

Оказавшись на другой стороне их дома, он осторожно выглянул из-за угла и уже хотел было открыть беглый огонь по противнику из своей двустволки, как вдруг обнаружил, что у него закончились пистоны. А бросать жёлудь без пред-

варительного хлопка пистона правилами не допускалось. Он крикнул от досады и совершенно неожиданно для себя произнёс какое-то странное выражение, которое обычно употребляли футболисты в схожих ситуациях. Оно даже врезалось ему в память. Как ни удивительно, после этого стало немного легче. Досада быстро улеглась, уступив место поиску выхода из положения. Как быть?

Первая мысль была – кинуться обратно к своим и просить «боеприпасы» у них. Но это выглядело крайне несолидно, как-то уж совсем по-детски. С оружием в руках он чувствовал себя гораздо взрослее. Он выбрал другое решение. Быстро поднявшись по лестнице, он ткнул ружьём в кнопку звонка. Олежка вспомнил, что дома должны были оставаться пистоны, припасённые им на чёрный день. Бабуля обычно так говорит о паре банок сгущёнки, которые она прячет от внуков на нижней полке своего шкафчика. Сгущёнку они любят, особенно варёную. Странное это выражение – на чёрный день. Хотя бывают и красные, если вспомнить стихи Маршак про «седьмое ноября, красный день календаря», которые они в садике разучивали прошлой осенью, готовясь к утреннику.

Дверь открылась. Он шмыгнул мимо слегка опешившей от его прыти бабули, бросив по дороге в комнату мимолётный взгляд на висящий на стене прихожей отрывной календарик. Число и день недели были чёрными, так что slučaj был вполне подходящий. Всё-таки правильные слова ча-

сто помогают в жизни. Он вспомнил про магическую фразу, произнесённую им минуту назад, и ещё раз утвердился в своей догадке.

Пачка с пистонами лежала в заветном месте, в нижнем ящике стола, где отец хранит набор для надраивания латунных пуговиц на своём мундире. Олежка всегда, затаив дыхание, наблюдает, как он приводит в порядок свою форму.

Происходит это по воскресеньям, накануне очередной рабочей недели, или перед дежурством. Это настоящее священнодействие, особый ритуал. Вот он пришивает к кителю белый накрахмаленный подворотничок, вот чистит ботинки, вот утюжит брюки – об их стрелки, наверное, можно обрезать. Всё это делается с любовью, аккуратно и основательно. Но чистка пуговиц занимает особое место в этом ритуале. За этим кроется нечто таинственное и удивительное, оно в чём-то сродни движению рук фокусника. Нужно внимательно следить за ними. Потому как каждый раз ему кажется просто невозможным и даже волшебным возвращение былого глянца этим мутным, безжизненным медяшкам.

Отец вставляет их в прорезь широкой алюминиевой пластины, сгоняет вместе, тщательно выравнивает, чтобы убрать ненужные зазоры, зажимает снизу рукой и начинает натирать зелёной пастой.

– Что это? – как-то спросил Олежка.

– Паста Гойи, – ответил отец.

В этом ответе ему послышалось имя её владельца или

изобретателя. Как паста Васи или Пети. Хотя это, наверное, вряд ли, поскольку он не помнит, чтобы эту пасту отец у кого-то когда-нибудь заимствовал. Да и пользоваться чужим он привычки не имел. Стало быть, изобретателя. Это, наверное, тот редкий случай, когда эта версия кажется ему несомненной. К тому же она косвенно подтверждается, правда, не так нескоро.

Уже в школе он узнаёт о существовании испанского живописца, обладателя этой необычной фамилии. Зелёный, как утверждал экскурсовод в музее – один из наиболее любимых тонов этого художника. Он наверняка писал свои холсты с использованием изобретённой им пасты, услышав эти слова, догадывается Олег. То, что этой пастой можно прекрасно писать, и краска это довольно стойкая, Олег знал по себе. Он как-то украдкой пробовал это сделать на том, что было в тот момент под рукой – на брюках, и вышло неплохо. След от пасты почти не отстирывался.

Этому заблуждению предстоит продержаться немало времени. Лишь в зрелом возрасте ему становится известно, что за названием пасты кроется всего лишь аббревиатура государственного оптического института – ГОИ. Какое разочарование! Но это произойдёт много позже, а пока Олег следит за руками отца – теперь он уже работает бархоткой. Через каких-то десять минут он убирает её и – алле оп! – от блеска потускневших за неделю пуговиц просто слепит глаза.

Вытащив пистоны, Олежка закрывает стол. Нельзя терять

ни минуты – он принимается заряжать свою двустволку прямо на ходу. Но тут, как назло, закусывает один из курков. Олежка оглядывается по сторонам в поисках чего-нибудь подходящего, за что можно было зацепиться и попытаться оттянуть его.

Посреди гостиной стоит новенький холодильник. Бабуля не устаёт восхищаться им и постоянно бережно протирает его тряпкой, хотя он и так чистый. Не найдя ничего лучше, Олежка прикладывается курком к его верхнему краю и дёргает ружьё вниз. Курок, лязгнув, поддаётся и выходит из зацепления. Ура, задача решена, и можно теперь бросать по два жёлудя до перезарядки. Но что это белое упало на пол? А, понятно – небольшой кусок эмали. Олежка осознаёт, что немного погорячился, но скол не очень большой, и его почти незаметно. Но, всё ж, памятуя о последних откровениях воспиталки, он решается тут же во всём признаться. Он бежит на кухню.

– Ах ты паршивец эдакий, – всплёскивает руками бабуля, глядя на свежее увечье на дверце своего любимца. – А ну-ка давай сюда эту хлопущку несчастную. И чтобы я её в глаза больше не видела!

С этими словами она вырывает заряженную двустволку из его рук и случайно спускает оба курка. На звук выстрелов из двери высовывается голова соседки, будто случайно оказавшейся рядом. Её глаза, и так вечно выпученные, сейчас у неё высоко на лбу – это они вылезли из орбит. То есть, вы-

ше спутника, который недавно запустили в космос. Неужто опять погром?

Что это такое, Олег не очень себе представляет, но он догадывается, что это что-то громкое, и Кейворы его очень недолюбливают. Ну да, погром, хочется выкрикнуть ему. И нечего тут вмешиваться, сокрушённо кивать головой, соглашаясь с бабушкиными стенаниями и ехидно прищуриваться. Ему сейчас не до ваших нежностей. Тут на кону исход сражения! Неужели они не понимают, что судьба его друзей никак не может зависеть от такой нелепости, как внешний вид этого несчастного холодильника? И не надо делать вид, что весь холод теперь будет выходить из него сквозь крохотную злополучную прореху в эмали. Но бабуля неумолима.

– Гулять больше не пойдёшь. Вот придёт папа, он тебе задаст!

На глаза наворачиваются слёзы. Это больше, чем катастрофа. И бог то с ним, с наказанием. Что за подвиг теперь нужно будет совершить, чтобы его назад в команду взяли! Бабушкин внучок! Они-то знают, что у него дома сейчас только бабуля.

Вечером приходят родители с работы и устраивают ему взбучку. Сознаться теперь во всём наперёд, и тебе всё простится. Ага, сейчас! Умные такие все. Может, теперь лучше и вовсе помалкивать о том, что сделал что-то не так с точки зрения старших, но на его взгляд вполне приличное или про-

изошедшее не по злому умыслу, а само по себе, как в этом случае с недотрогой-холодильником, и невинно пожимать плечами в ответ на все их расспросы?

Тайны мироздания

Первым телевизор в их квартире появляется у Кейворов, живущих в большой угловой комнате. Стоит он там на самом почётном месте, Олежа в щёлку дверей это видел. Сверху – антенна с двумя торчащими в стороны усами. Лариска ходит по кухне, вся из себя важная такая, как та хрустальная ваза, что у них в гостиной на столе. И так собой гордится, будто сама изобрела это чудо с рожками.

– Хочешь посмотреть? – спрашивает она и снисходительно поглядывает на него.

У неё уже есть велосипед с трещоткой. Он стоит в коридоре, поблёскивая никелированными ободами своих колёс. Шины надувные и седло кожаное. Олег мечтает прокатиться на таком, пусть он даже и женский. Тем более, что месяц назад он уже научился удерживать равновесие на двухколёсном велосипеде, который отец сделал ему из трёхколёсного, доставшегося от старшего брата. Тут ведь что главное – по сильнее разогнаться, отталкиваясь от земли, и ноги поджать. И потом попытаться поймать ими педали. А руль поворачивать туда, куда валишься. И всех делов-то! Но просить у неё велосипед бесполезно. Она и сама на нём почти не катается, а тут ещё давай кому-то. Губы надуты, глаза прищурены. По-

смотреть – смотри, пожалуйста, сколько угодно. Не жалко. Или педальки тихонечко покрути вокруг оси, вот так. А покататься...

И теперь вот этот телевизор.

– Хочешь посмотреть? – повторяет она.

А чего там смотреть-то? Видел он уже этот телевизор однажды, в гостях у дяди Саши. Там одни новости про ход посеваемых, а в промежутках симфонический оркестр. А то и вообще балет или танцы народов мира. Лучше уж на велосипед лишний раз взглянуть. Вон у него звёздочка хитрая какая, на толстенном барабане. Наверное, там, внутри, и спрятана эта удивительная трещотка, которая позволяет не давить на педали всё время, пока едешь. И цепь ещё вся в масле. Он отрицательно мотает головой, не отрывая взгляда от никелированного красавца.

– Хочешь покататься? Так я же тебе объясняла – он же дамский.

А какая ему разница, дамский он или амстердамский. Хочется добавить после этого слова – бутерброд с селёдкой. Где-то он это выражение слышал и даже запомнил. Про слово «бутерброд» ему всё понятно, что не сказать про «амстердамский». Но зато оно с дамским хорошо рифмуется. Ну и наплевать – то, что рама у него вниз изогнута, так это ещё и удобнее: в седло проще садиться, ногу не надо высоко задирать.

И ещё, нужно сказать ей, что скоро он тоже начнёт ходить

в школу, и мама обещает, что если он будет учиться на пятёрки, то после первого класса ему обязательно купят такой же. А Олежка в этом почти не сомневается: читает он уже бегло, не по слогам, и даже знает, что такое квадрильон. Но велосипед он ей не даст, и пусть не просит. Потому, что он будет не дамский. Он так ей и скажет: не дам, он недамский.

Из кухни выходит Кейвориха. Она слышит их беседу.

– Олежка, а может, ты девочка? – спрашивает она и хитро так улыбается.

Этот вопрос застаёт его врасплох. Он немного растерян, но отвечает бойко.

– Нет, я мальчик.

Он оглядывается по сторонам, словно ища поддержки. Но рядом никого нет. Брат в школе, бабуля ушла в магазин.

– А почему ты так решил? А вот мы тебя оденем в платьице, сделаем косички, хотя волосы у тебя пока не очень длинные. Но ничего, мы попросим, чтобы тебя не стригли, пока они не отрастут. И бантики вплетём. А звать будем не Олежка, а Олюшка – разница то небольшая.

В голове у него наступает замешательство. Что-то здесь не так. Неужели всё так просто – переодели, и ты уже девочка? Ответ должен быть, и он где-то рядом, чёткий и недвусмысленный. Но он не может его пока нащупать. Не может быть такого, чтобы родители его так долго обманывали. Да он и сам чувствует, что девочки – это не про него. К куклам и тряпкам его совершенно не тянет, и игры девичьи ма-

ло интересуют. Совсем другое дело – запускать самолётики со звёздами на крыльях, сделанные из тетрадных листков, и стрелять из рогатки. Хотя Анька Ефимова из их группы недавно, словно заправский хулиган, камнем высадила стекло в их столовой. И свалила всё на Петьку Савкова. Тоже мне, нашла, на кого – кто ж ей поверит! Он и мухи то не обидит, потому что жуков из чужих секретов тоже выпускает.

– Девчонки все плаксивые и любят ябедничать. А разве я жаловался вам на Лариску когда-нибудь?

– А что она тебе такого сделала, наша детка? – Кейвориха делает глаза круглыми, жёсткими и кусачими, готовыми испепелить этого дерзкого мальчишку. – Она у нас ангел!

– А ты сам разве не хнычешь, когда тебя гулять не отпускают? – вставляет ехидно Лариска. Этим она пытается пресечь его возможное разоблачение, грешки за ней тоже водятся. Но у него и в мыслях нет сдавать её, хотя, и не мешало бы. – Может, ты и вправду девочка?

Видимо, её тоже забавляют его неуклюжие попытки определить свой половую принадлежность. Она на два года старше и уже кое-что в этом понимает.

Олежка пятится к дверям своей комнаты. И что это они на меня ополчились? Он осторожно приоткрывает дверь и под насмешливые взоры соседей протискивается в своё убежище. Там он переводит дух. Какая я им девочка! Как будто сами ничего не смыслят в этом. Но зёрна сомнения уже посеяны в его голове, и он пытается отыскать надёжные

доказательства своего мальчишества. Кстати, теперь он понимает истинный смысл этого слова.

Спрашивать у бабули, кто же он на самом деле, он не решается. Ответит какой-нибудь прибауткой, которых у неё пруд пруди, а ты пойдёшь, разберись, что она имела в виду. А для начала ещё потребует объяснять, с чего бы это у него появился такой странный вопрос. Говорить про соседку не стоит, она её категорически не переваривает, о чём так и говорит всякий раз, возвращаясь с кухни. Он понимает, что это у неё такое образное выражение, в котором проявляется её поварской опыт. Она всегда огорчается, если что-нибудь переварит, даже немного. Говорит, что от этого блюдо портится окончательно и бесповоротно. Вот и с Кейворихой она почти не общается, и заговаривает с ней только по необходимости. Видимо, боится испортить её полностью, потому что та быстро закипает. Поэтому в сегодняшней разговор её лучше не посвящать – это лишний повод для скандала. А скандалы ему не по душе, после них у бабули надолго портится настроение.

Олежка начинает размышлять. Ну да, у мужчин имеется борода и усы. Но, судя по всему, у него это появится нескоро. Ждать так долго не хочется, и ответ нужен уже сегодня. Что же ещё? Больше на ум ничего путного не приходит. Одежда не в счёт. Он вспоминает, что скоро из школы должен вернуться брат. Вот кто сможет ему помочь!

Вот распахивается дверь, и в угол летит ранец. Брат!

– А ты что, сам ещё не знаешь? – удивляется он его неведению.

– Нет!

Он тут же демонстрирует самый веский мужской отличительный признак, обретаемый каждым с момента рождения.

– А у девочек этого нет.

Неужели в этом-то всё дело? Никогда бы не подумал. Но теперь многое встаёт на свои места. Например, становится понятным, почему у них в садике в туалете девочки делают это поодиночке и сидя, в то время как несколько мальчишек рядом используют один унитаз вместе, причём, стоя. Всё-таки мальчишкой быть гораздо удобнее. А для Кейворов у него теперь есть достойный аргумент, как хитро выразился брат. Он даже назвал его каким-то странным словом. А если они его снова спросят, то ответит, что ему уже всё известно, и нечего тут ехидничать.

1961

Это очень интересное и загадочное число – 1961. Именно таким будет новый год, который вот-вот наступит. Загадочное потому, что, если перевернуть его вниз головой, то ничего не изменится. Отец говорит, что такое было всего несколько раз в этом тысячелетии, и этот год-перевертыш – последний в нём. Это очень интересно, и этим нужно обязательно воспользоваться: следующий случай представится ой как нескоро, и уже точно не ему. Воспользоваться же этим на-

до потому, что правильное название или обозначение какого-нибудь предмета или явления, как Олежка уже убедился, содержит в себе и его суть. А, поскольку почти всё в мире держится на числах, а математика, как говорит отец, самая точная из всех наук, то вряд ли эти числа способны на обман.

Вот, к примеру, с картами или с шариками можно фокусы всякие проделывать. Или зайцев из шляпы дюжинами вытаскивать. Тут ведь каждый понимает, что это ловкость рук или хитрость какая. А с числами такое не пройдёт. А раз так, то многое можно будет сделать самым необычным образом, например, перевернуть с ног на голову или даже пустить задом наперёд и получить тот же результат, что и самым привычным способом. И все будут удивляться – как это так ловко вышло? Надо обязательно составить список таких головоногих дел, которые можно будет начинать с конца или заканчивать началом. Это ведь так забавно и увлекательно!

Для начала надо вспомнить всё, что начинается со слова «первое» и перенести это в конец. Например, обед начинать с десерта. Отличная идея! Компот там, или пирожное – кто от такого откажется? Только вот потом придётся давиться борщом. Нет, пожалуй, это в список вносить не стоит. Ну хорошо, а что бы ещё? Ага, надо предложить брату пойти в школу последнего сентября – он ведь так не любит первое. Вот он обрадуется, наверное! Но до осени далеко, и надо бы уже этой зимой отчебучить что-нибудь весёленькое.

Отчебучить – это ещё одно любимое бабулино слово. Она

всегда возмущается, если делают не по правилам или несут отсебятину, как она выражается. А говорит она так, наверное, потому что для неё верхом неприличия и глупости считается, когда её любимую молитву сильно коверкают или перевирают. Так-то она не очень верующая, но перед сном у неё есть строгое правило – помолиться. До Олежки обычно доносится только первые слова её молитвы – отче наш, а дальше всё как-то неразборчиво. А «бучит» она бельё в баке перед стиркой. Говорит, что так отбеливается лучше. Поэтому отчебучить – наверное, сделать что-то уж совсем несуразное, по её разумению. Разве можно отче бучить?

Да и вообще, взрослые слишком серьёзно и строго ко всему относятся. Понапридумывали себе правил, и в сторону – ни-ни. Может, от этого столько неприятностей и огорчений, и всё часто идёт наперекосяк. Возьмём, к примеру, празднование дня рождения. Для ребёнка это, наверное, самый мучительный день в жизни, когда его ни с того ни с сего вдруг вынимают из материнского живота, как по секрету поведал ему брат, и заматывают в тугие пелёнки. А это он уже сам видел. При этом он никогда не слышал, чтобы дети радовались и смеялись в момент своего рождения. Или после него. Плачут всё время, если не спят. А родители на какое-то время и вовсе теряют покой и сон. И это им праздник! Или вот ещё. В последнее время все завели моду покупать себе комбайны. Только не здоровые такие, типа хлебоуборочных, а небольшие и вполне себе домашние. У которых снизу радиопри-

ёмник, а сверху какой-то проигрыватель. Ему об этом в садике уже несколько приятелей похвасталось. Странные они все. Купят себе невесть что, а потом жалуются. Сами что ли не понимают – это же проигрыватель! Лучше бы выигрыватель себе купили, пусть даже и без радио.

Что бы такое всё-таки сделать наоборот, не как все? Придумал. Сразу же после нового года он выйдет во двор и вылепит снежного деда. Они всё неправильно делают. Думают, что если метлу рядом прислонить и усы под нос понавтыкать, то всё в порядке. А вот и нет. Всё равно баба получается! А правильно – это когда самый маленький ком внизу, а самый большой сверху. Обычно так у входа в туалет нарисовано, чтобы не спутать, где мужская дверь, а где женская. И морковку тоже не туда втыкают. Он уже знает, как нужно. Недавно брат ему всё подробно объяснил про это.

А ещё отныне, расставаясь с кем-либо, он будет говорить «здравствуйте». Потому, что так правильнее. Ведь на прощание обычно принято желать всего наилучшего. А что самое лучшее? Многие твердят, что самое главное в жизни – это здоровье. А желать этого при первой встрече, ещё не зная, хороший ли человек тебе попался или так себе, как-то неправильно. Так, наверное, одни подлизы поступают. Поэтому в таких случаях лучше говорить просто «добрый день».

А если про расставание вспомнить, то там тоже много странного бывает. Некоторые просят прощения, как будто наделали товарищу пред этим много гадостей, а теперь рас-

каиваются. Так и говорят – прощай, друг. И хорошо бы с сожалением, а то ведь таким тоном, как будто требуют он него этого. И это воспитанные люди? А другие говорят «пока». Пока что? А ты вот пойди, догадайся! Нет уж, лучше не ставить приятеля в замешательство таким напутствием, а просто напоследок пожелать ему здоровья, сказав «здравствуй». Если он, конечно, не очень плохой.

Пожалуй, и в самом деле, этот год, скорее всего, предназначен для того, чтобы все могли задуматься над тем, правильно ли всё делается. И поставить все вещи на свои места – а вдруг они с самого начала были неправильно расставлены или перепутались со временем, и никто этого не заметил? А, может, даже выбрать для них новые, непривычные места и посмотреть, как они там смотрятся. Это как мебель в доме – нужно хотя бы изредка менять местами шкафы с кроватями, чтобы узнавать, какие сны видит твоя одежда и что она о тебе думает.

Олежка знает это по себе. Когда его кроватку переставили в то место, где раньше стояло мамино трюмо, ему стало временами казаться, что пространство в кроватке вдруг, ни с того ни с сего, утрачивает свои привычные границы и превращается в бесконечно длинный, уже знакомый ему по играм с этим трюмо зеркальный лабиринт. Особенно явственно это ощущалось с наступлением сумерек, ближе к ночи. Ведь вещи тоже нуждаются в отдыхе, и, засыпая, в своих снах могут легко путешествовать по привычным местам.

Наблюдая за своим отражением в этих створках, он сдвигал их таким образом, чтобы появившийся коридор в какой-то момент полностью переставал изгибаться и становился прямым, таинственным и манящим. Вглядываясь в бездну многократных отражений, он мысленно отправлялся странствовать вдоль бесконечных шеренг пудрениц и флакончиков в надежде достичь его границы.

Как-то, ложась спать, он поймал себя на мысли, что во сне он легко может очутиться в этом лабиринте, и если кто-то вдруг случайно заденет одну из створок этой зеркальной ловушки, то он заблудится в нём и никогда уже не найдёт выход. А, может, это трюмо ночью и само, без чужой помощи, не прочь поступить таким образом. Ведь ему, наверное, тоже бывает скучно и одиноко, особенно когда в него долго никто не смотрится, и оно в своих снах грезит о том, как бы заманить кого-нибудь в свои объятия и заотражать его там до бесконечности. Он с трудом упросил мать переставить кровать в другой угол, не посвящая её в причины своей странной просьбы.

А ведь отражение в зеркале – это тоже отчасти искажённый, пере-вёрнутый образ привычных вещей. И мир там такой же, но немного иной. Правое там становится левым, а правила – левилами. У Олежки даже захватывает дух – столько нового и интересного можно здесь понапридумывать. Но для начала нужно справиться с обыкновенными пере-вёртышами, с теми, которые он уже себе наметил на этот

год. И с теми, которые ещё предстоит внести в свой список. А левилами он займётся уже в следующем.

Круглосветлый

Этот маленький круглый прудик обладает просто каким-то магнетическим свойством. Находится он рядом с домом, сразу же за забором их двора. Тут же и земляная горка, такая же аккуратная и круглая, как этот прудик, только гораздо меньшая по размеру. Может быть этот водоём – всего лишь яма, оставшаяся после сотворения горки? Ну где это видано, чтобы куличи делали ради ямок в песке! Но Олежке так не хочется думать, и он даже от кого-то слышал, что этот прудик довольно старый, вырытый ещё в давние времена, когда тут разбивались парки и строились царские хоромы. Он даже имеет своё название – Голицынский, или что-то в этом роде. Потому, что расположен в сквере таким же названием. Но это не факт. Олежка считает, что ему подошло бы совсем другое имя.

Петька Савков говорит, что из самолёта – а он уже несколько раз летал на нём – озёра кажутся светлыми пятнами. Это потому, что в них отражается небо, а иногда и солнце. И этот прудик сверху, наверное, выглядит маленьким правильным кругом света. Жаль, что люди только недавно научились летать. Тогда они бы наверняка назвали его Круглосветлым. Очень хорошее имя. Потому, что рядом с ним настроение у Олежки всегда очень светлое.

Горка – тоже славная штука. Зимой с неё можно лихо скатиться на санках по ледяному языку, уходящему вдоль пешеходной дорожки в сторону автобусной остановки. А ещё лучше – направить санки в сторону прудика, и, доехав до его крутого берега, скатиться прямо на лёд. А можно здесь устроить состязание за титул «царь горы». Если народу мало, то в одиночку, а если хватает, то стенка на стенку. И тут главное – сразу после сражения отыскать в снегу свою пуговицу, оторванную в пылу борьбы, и не прихватить кушак от чужой шубы, а то дома потом никакой титул тебе не поможет. Но всё же прудик гораздо интереснее.

В нём живут золотобрюхие караси, вертлявые жуки-плавунцы и лечебные (странно, но утверждают, что они все лечебные) пиявки. А по поверхности носятся шустрые водомеры, которых ещё никому не удавалось поймать – не то чтобы рукой, но даже сачком. Спросите – зачем? Затем, чтобы рассмотреть как следует, почему они не тонут.

И если бы только это! Там есть ещё и загадочные тритоны. Это такие маленькие дракончики с полупрозрачными гребнями на коричневых спинках. Папа называет их представителями отряда земноводных и говорит, что они обычно обитают в болотах.

Про отряды Олежка знает только то, что есть пионерские и партизанские, и то, что они ходят колоннами. А про земноводных пока не знает ничего. Но он тут же представляет себе, как небольшой «отряд земноводных» колонной пере-

мещается из одного болота в другое, по слухам более богатого насекомыми, и несколько его особо нетерпеливых представителей отделяются от него и со всех своих четырёх лап мчатся к Круглосветлому. Хотя может быть это и не колонна вовсе. Ведь партизаны, например, действуют скрытно, маленькими группами или в одиночку. Значит, если колонна этих земноводных ему раньше никогда не попадалась на глаза, то тритоны, наверное, из этих.

А ещё иногда сюда прилетают утки, и лакомятся этими бедными дракончиками, он сам видел. Ему ужасно жаль их. Они хоть и уродливые немного, но очень забавные и пугливые. Высунут острую мордочку из воды и щурятся на солнце. А чуть что – сразу нырк в водоросли.

Олежка догадывается, что эти утки – из отряда небоводных. А, может, водонебных? Ну, допустим. А вот с людьми как быть? Их ведь можно везде встретить – и на земле, и в воде, и в небе. И даже в космосе скоро будут. Потому как – кстати, об отрядах – он слышал, что в добавок к пионерскому и партизанскому недавно появился ещё один – отряд космонавтов. Значит, люди – представители гигантского отряда вездесущих: он слышал это слово, и теперь, кажется, догадывается, что оно означает.

Можно часами ходить вдоль берега и наблюдать за жизнью удивительного подводного мира. А можно сесть на скамейку счугунными боковинами – таких скамеек немало в скверике – и смотреть на отражение проплывающих в небе

пушистых облаков, когда на воде нет ряби. И каждый раз обнаруживать в их очертаниях то людей, то зверей, а то и вовсе каких-нибудь сказочных чудищ.

Или взять палку и стучать ею по белым пузырям, прячущимся под тонкой корочкой льда, чтобы, разбив его, выпустить на волю воздушного пленника. Но вовсе не из сострадания, а потому, что пузырь этот потом будет мешать разглядывать вмороженные в лёд ажурные кружева водорослей. Это так занятно. А ещё с нетерпением ждать, когда этот лёд достаточно окрепнет, чтобы, попробовав его на прочность, с разбегу прокатиться по его гладкой поверхности под протяжный писк разлетающихся вокруг трещин, напоминающий свист пуль, проносащихся под ногами. И видеть краем глаза слабаков, жмущихся на берегу и не решающихся последовать твоему примеру.

Олежка сидит на скамейке и смотрит на отражение неба в зеркальной глади прудика. Вот волчья свора, несущаяся за зайцем. Похоже, косому не уйти. Хотя, это уже и не заяц вовсе, а карликовый пудель. А это не волки, а паровозный дым. И поделом им, нечего к маленьким приставать. Поэтому правильно, что вылетели в трубу, как говорит бабуля про неудачников, обманувшихся в своих расчётах.

А вчера мальчишки из соседского двора пускали тут игрушечный кораблик с парусами, пушками и с чёрным флагом на мачте. Он им весь обзавидовался. Будь у него перочинный ножик, как у брата, он бы выстругал лодочку из дощеч-

ки, пусть даже небольшую, вставил бы в неё веточку вместо мачты и тоже пустил бы по воде. А ещё лучше было бы – научиться делать настоящие модели кораблей, причём самоходные, с моторчиком. Чтобы эти, вчерашние, уже завидовали ему, потому что он мог бы запускать свои модели по пруду в любую погоду, даже в безветренную. И гордиться тем, что он всё будет делать сам, и не ждать, пока родители родители тебе что-нибудь купят. Но это, пожалуй, случится ещё не скоро.

Олежка смотрит под ноги – вдруг там найдётся что-нибудь лёгкое – щепка или кусочек древесной коры, что можно использовать хотя бы в качестве основы для самого незатейливого плавучего средства. И потом поколдовать с ним и придать ему форму кораблика. Он ещё никогда ничего не пускал по воде, но ему нестерпимо хочется сделать это именно сейчас. Но вокруг, как назло, ничего подходящего нет.

Под скамейкой что-то блеснуло. Ух ты, неужели монета? Нет, всего лишь бутылочная пробка. А жаль. Будь монета, он бы знал, как с ней поступить, чтобы не повторить своей прошлогодней ошибки. Какой ошибки? А вот такой.

В начале минувшей зимы он нашёл здесь, под этой самой скамейкой, целую пригоршню монет, вмёрзших в налесь. В основном это было серебро, как выражаются старшие. Хотя попало и несколько медяков. Он быстро выковырял монеты из ледяных оков – и в этом ему помогли снегурки. Олежка взял их с собой на всякий случай, но лёд

на прудике оказался ещё тонким. И – надо же – пригодились! Воодушевлённый, он помчался домой показывать свою находку брату.

У брата уже была маленькая копилка, в которую он складывал сдачу от школьных завтраков. Хотя копилкой её было трудно назвать – это была глухая алюминиевая трубка-пенал с завинчивающейся пробкой. Несмотря на кажущуюся узость её отверстия, в неё свободно проходили не только гривенники и пятиалтынные (ему ужасно нравилось это слово: так называла пятнадцатикопеечные монеты бабуля) но даже пятаки, и она приятно позвякивала при потряхивании, даже если там находилась всего лишь пара монет.

Брат оценил находку – он не скопил бы столько и за полгода. Олежка великодушно протянул ему монеты, чтобы он сложил их в этот пенал. Впрочем, великодушие было вынужденным – своей копилки у него никогда не было.

Выбирать, на что можно потратить это «состояние», долго им не пришлось. Конечно же, на мороженое! Но на дворе была зима, а где в эту пору его сыщешь? Разве что в «Мороженице» на Невском. У них была традиция – заходить в это кафе всей семьёй перед тем, как сесть в поезд и отправиться в отпуск на Кавказ.

Подсчитав содержимое пенала, брат сказал, что им хватит на пять, если не на шесть шариков с сиропом, и ещё на два стакана газировки. Но Ленинград далеко, и там его им купят родители, а здесь они сами себе хозяева. Поэтому бы-

ло решено дожидаться весны, когда мороженое начнут продавать в уличных киосках, и тогда уже закупить себе эскимо и пломбира. По их прикидкам, это удовольствие можно было бы растянуть не меньше, чем на неделю. Но их ждало горькое разочарование.

Наступил новый год, и вместе с ним случилась какая-то странная деноминация. Это новое слово сразу стало модным, и в первое время взрослые произносили его даже с некоторым воодушевлением. Олежка отнёсся к нему с насторожённой: в этом слове ему сразу же послышалось нечто «демоническое». Каково же было его удивление, когда через несколько дней его предчувствия оправдались. Потому что деноминация означала замену всех бумажных купюр на новые и упразднение старых монет. Об этом брат случайно узнал от родителей и, ошарашенный, тут же поделился этим с Олежкой. И вслед за этим опрометью бросился к копилке отвинчивать её пробку.

– А что толку туда смотреть, – обречённо пробурчал Олежка, ещё не осознавая в полной мере всей горечи постигшей их «утраты».

– Есть и другая новость. Медяков это не коснулось.

Они пересчитали медь – её было совсем мало. Они тут же кинулись в магазин и купили пакетик леденцов. Кто знает, что у этих взрослых ещё на уме?

Может, Олежка и не расстроился бы так, знай он английскую поговорку: «Easy-come, easy-go». Бабуля в таких слу-

чаях употребляла её русский аналог: «Бог дал – Бог взял». Олежка никогда не задумывался о её смысле, поскольку нередко слышал это выражение по разным поводам. Именно её она и привела внуку в утешение, и теперь уже как нельзя кстати, когда услышала от него эту «душераздирающую» историю.

– Ну, допустим, Бог дал, – возразил ей Олежка. – Но взяло кто? Дядя Саша говорит, что это всё Хрущёв придумал, наш генеральный коммунистический секретарь. А ты сама говорила, что коммунисты в Бога не верят.

– Пути господни неисповедимы...

И чего только Бог не придумает, чтобы оправдать людское представление о нём, подумал с сомнением Олежка. И даже в попытке убедить в этом меня!

Произошедшее дало повод ему усомниться ещё и в другой, известной ему поговорке. Отец иногда прибегал к ней, упрекая того или иного своего отпрыска, проявляющего излишнюю нетерпеливость, – всё приходит вовремя тому, кто умеет ждать. И где же это «вовремя»?

Поэтому сейчас, сидя на скамейке, он понимает, что иногда не стоит ждать, когда тебе что-то свалится сверху, или когда для этого придёт своё время. И нужно постараться уже сейчас сделать то, что в твоих силах.

Ему на глаза попадается спичечный коробок. На его этикетке красуется крейсер «Аврора». Вот оно! Он видел нечто подобное, хотя всех деталей уже не припомнит. Но это не бе-

да, сейчас разберёмся. Олежа выдвигает из него пустую коробочку из-под спичек, и, повертев в руках чехольчик с этикеткой, вставляет его торцом в эту коробочку. Ну вот, кораблик и готов! «Аврорка»!

Он походит к пруду и бережно опускает своё незатейливое сооружение в воду. Налетевший порыв ветра подхватывает кораблик и увлекает его прочь от берега в своё первое, и, вероятнее всего, в последнее «круглосветлое» плавание. Судьба его очевидна: скоро он раскиснет и пойдёт ко дну. Но это не смущает Олежку. Ведь его «Авропка» сейчас гордо, на всех «парусах» мчится вперёд. И хоть она временами виляет из стороны в сторону и зарывается тупым носом в воду, радость всё равно распирает ему грудь. Ведь получилось же!

И если для этого бумажного крейсера всё скоро закончится, это не так уж важно. Важно то, что про себя он теперь твёрдо знает – для него всё только начинается. И спасибо за это Круглосветлому, его старому приятелю.

Скукин

Этот дядечка появился в садике в конце декабря.

– Ребята, кто хочет заниматься фигурным катанием? – спросила Татьяна Степановна.

Все тут же загалдели – я, я. Татьяна Степановна нахмурила брови. – Вы уже почти первоклассники! Я же вам объясняла, что нужно делать, если вы хотите что-нибудь сказать.

Все затихли, и вырос лес рук. Олежка изо всех сил тянул свою вместе с остальными. Коньки и лёд он обожал.

– Тот, кто хочет записаться в секцию, завтра приносит с собой коньки. Тренер, – она кивнула на дядечку, – посмотрит, как вы катаетесь, и выберет тех из вас, кого возьмёт к себе на обучение. Зовут его Юрий Алексеевич.

Ух ты, прям как Гагарин, подумал Олежка. Тем более, надо записываться.

Олежка с трудом дождался вечера, когда за ним пришла мама. Ему стоило немало трудов убедить родителей тут же купить ему новые коньки. Брать с собой снегурки в садик означало сразу же провалиться на пробах, ещё до прикручивания их к ботинкам. А что ещё хуже – стать посмешищем в группе. Решающее слово было за отцом.

– Я тоже в детстве мечтал о настоящих коньках, когда мы ребяташками зимой бегали на замёрзший Терек. Так пусть хотя бы у него моя мечта сбудется, – доносился его голос из кухни.

Через час Олежка примерял ботинки «фигурок», сидя на скамейке спортивного магазина. Всё-таки правильные мечты рано или поздно сбываются, пусть даже и с некоторым опозданием и не совсем у своих авторов. Он тоже не прочь о чём-нибудь помечтать для будущего сына (он почему-то не сомневался, что у него будет именно сын). Например, о персональном телевизоре с цветными мультфильмами на любой вкус по выбору. Но это уж совсем из области

несбыточных фантазий. Надо что-нибудь попроще. Пусть это тоже будут коньки, но уже для хоккея. И, вообще, жалко, что их набирают только в эту секцию. Уж больно это про девочек. Он взглянул на свои новые коньки с белыми ботинками и вздохнул. Недаром ведь продавец говорит, что чёрные – большая редкость. Ну ладно, пусть для начала будет хотя бы фигурное.

На следующий день ребяташки демонстрировали Юрию Алексеевичу своё умение на городском катке, удачно располагавшемся как раз напротив их садика. Интересно, подумал Олежка, а если бы здесь был цирк, сюда бы клоуны с укротителями приходили учеников вербовать?

Его чем-то интриговало это слово – вербовать. От него исходила какая-то таинственность, связанная со шпионскими страстями, и одновременно с этим оно несло в себе привкус пасхального праздника. Несмотря на всякие запреты и гонения, он всегда свято чтился в их семье. Накануне пасхи бабуля обычно красила яйца в луковой шелухе, а отец приносил утром распустившуюся вербу, сплетал её в косу и ласково стегал ею по пяткам просыпающихся детишек:

– Вербохлёт, бей до слёз!

Олежка твёрдо стоял на коньках – опыт катания на снегурках сказывался. Огорчало другое. Стоило ему разогнаться и немного наклониться вперёд, как зубцы на полозьях коньков тут же вгрызались в лёд, и он нырял носом вниз. У снегурок носки были круглыми, напоминающими букву «С», по-

этому и название у них было правильным. Это Олежка отметил ещё при первом знакомстве с ними. Отчасти его самолюбие тешило то, что многим не удавалось и этого. У большинства ноги сразу же разъезжались в стороны, и каждый второй, не сделав и пары шагов, мешком валился на лёд. Тренер с грустью наблюдал за этой картиной и никого не подбадривал даже шуткой. Какой строгий и скучный дядечка, подумалось Олежке. А ещё тёзка! Он вспомнил открытую и приветливую улыбку Гагарина.

Но главное испытание ждало их на следующий день.

Утром Татьяна Степановна повела всех в спортивную секцию, приютившуюся в длинном деревянном бараке на берегу Фабричной канавки. Неподалеку находилась проходная завода, где работала мама, за ней проступали здания бывшей гранитной фабрики. С этой канавкой он уже был довольно близко знаком, и знакомство это чуть было не закончилось для него плачевно. Впрочем, благодаря этому он также близко познакомился ещё с одной жидкой стихией, которая, как он смог убедиться впоследствии, для многих была не менее важна, нежели вода. Но об этом по порядку.

Случилось это осенью, 7 ноября, когда по традиции отмечался главный праздник страны. Утро началось, как обычно в этот день, в приподнятом настроении и немного суетливо. Бабуля хлопотала на кухне, взбивая крем для своих трубочек, и даже попутно любезничала с Кейворихой, что случилось с ней крайне редко. Родители толкались перед зерка-

лом: нужно было успеть на построение колонны и выглядеть при этом нарядно и торжественно. Скоро все вышли на улицу и смешались с толпой, спешащей на демонстрацию. И вот уже их пёстрая колонна с транспарантами, плакатами и флагами, утопая в море разноцветных воздушных шаров и красных гвоздик, шествовала по главной улице городка.

Особый восторг у всех почему-то вызывал момент прохождения колонны мимо трибуны. Поравнявшись с ней, идущие непроизвольно приосанивались, их нестройные ряды, как по команде, выравнивались, а добрые и весёлые глаза взрослых становились вдруг какими-то отстранёнными и чужими. С трибуны звучали приветствия, в ответ идущие откликались многоголосым и протяжным «Ура!!!», словно готовы были тут же ринуться в атаку, как мальчишки во дворе при штурме снежной крепости. И здесь важно было не сплеховать.

Детишки, сидящие на плечах родителей, старались не хуже старших – общий дух торжества и какой-то странной ответственности таинственным образом передавался и им. Видимо, было что-то такое в этих лозунгах и в самом голосе приветствующего, что никого не оставляло равнодушным. Или причиной тому были изображения каких-то важных людей, глядящих на колонну с огромных, висящих рядом с трибунами плакатов, и, казалось бы, насквозь просвечивающих своим взглядом каждого, идущего мимо. И в самом деле, эти глаза, не отпуская, следили за тобой под любым углом зре-

ния, где бы ты ни находился.

Олежка тоже не отставал от остальных в этом дружном порыве. В его руке был шарик, наполненный водородом – большая редкость по тому времени, и его грудь распирало от восторга не хуже, чем оболочку этого шарика. Он почему-то твёрдо знал – нужно было постараться выкрикнуть так, чтобы сидящая на деревьях парка в нескольких сотнях метров от них стая ворон с ужасом сорвалась с ветвей и взмыла на небо. И это им удалось! Триумф был полный!

С демонстрации все шли, немного опустошённые, но далеко ещё не утратившие праздничного настроения: взрослых ждало застолье, малышей – запуски шаров и ничем не стеснённое времяпровождение во дворе домов и даже на улицах: старшим было уже не до них. Но сегодня его родители, к сожалению, направлялись не домой, а шли в гости к Патрикеевым, на эту самую Фабричную канавку. А там особо не разгуляешься – кругом одни заводские склады да бараки. В одном из них, слегка благоустроенном и приведённом к условно жилому виду, и обитали Патрикеевы.

Идя вдоль канавки, Олежка немного отстал от старших. Его внимание привлекли голубые незабудки, растущие вдоль берега. Несмотря на начало ноября, их лепестки ещё не успели осыпаться, и головки цветков выглядели по-летнему свежо. Нарву-ка я их и подарю маме. А то всё флажки да плакаты.

Он потянулся к цветку, растущему у самого среза воды, и,

неосторожно вступив ногой на нависающий над водой бугорок, поросший травой и с виду кажущийся вполне надёжной опорой, провалился сквозь него. Через мгновение он уже барахтался в ледяной воде. Глубина здесь была довольно приличной, даже у берега. Но он всё же сумел дотянуться ногой до дна и, слегка оттолкнувшись от него, развернуться лицом к берегу и ухватиться за прядь травинок, торчащих из предательского бугорка. Но удержаться не удалось – трава рвалась и выskalзывала из рук, илистое дно уходило из-под ног, а кажущееся слабым течение упорно увлекало его всё дальше и дальше к середине русла. Почему он не закричал раньше? Теперь его запоздалый крик обернулся невразумительным, плохо различимым бульканьем.

И кто знает, чем бы закончился эта наивная попытка нарвать букетик цветов, если бы не дядя Саша. Не подвёл его какой-то особый профессиональный инстинкт: он нередко упоминал в беседах со знакомыми, что, будучи судьёй, всегда старается оценивать любое дело объективно, рассматривая его со всех сторон. Правда, Олежка не совсем понимал, что за дело тот имел в виду, по-прежнему полагая, что речь идёт исключительно о спортивном судействе.

Между тем дядя Саша и в обычной жизни тоже привык поступать также – время от времени он внимательно и даже как-то настороженно оглядывается вокруг. Может, так делают и остальные судьи, словно они всегда опасаются чего-то. Но, как бы то ни было, эта привычка ему нередко помога-

ет, особенно в лесу – лучшего грибника Олежке встречать не приходилось. Вот и сейчас он внезапно оглянулся назад, и сделал это как нельзя кстати.

Следующее, что отчётливо вспоминает Олежка – это широкая кровать и терпкий запах водки, которой его растирают сразу в четыре руки, называя при этом «водолазом». По телу растекается тепло.

С этого дня понятия «водка» и «тепло» для него неотделимы. И с тем, и с другим в разных их проявлениях ему ещё не раз предстоит столкнуться в жизни, впрочем, как и с «водолазом». И если последнее пока не вызывает у него положительных эмоции, первые два уже мысленно греют тело, затем согревая и душу.

Кстати, о водолазах. Юрий Алексеевич, к которому их вели сегодня на повторное свидание, накануне был одет в водолазку. Так назвал его свитер Петька Савков, который начинался про разные хитрые и не совсем обычные штучки в своих книжечках. Недаром уже в очках. А про тренера – неужели он тоже любит побродить по дну этой канавки? Олежка невольно поёжился, вспоминая своё погружение. Сейчас поверхность «Фабрички» была надёжно скована льдом, и вряд ли эта водолазка была ему так уж необходима. Скорее всего, здесь дело в другом.

Они зашли в деревянный домик, у входа в который висела табличка с надписью: «Спортивный уголок». Сквозь неплотно прикрытую дверь в дальнем конце коридора доносился

звук гитары. Там кто-то пел, называя себя законченным чудаком:

А я еду, а я еду за туманом,
За хвоей, той что спасает от цинги.

Пение прервал чей-то женский голос.

– Ну какой ты фигурист? Ты куплетист, Кукин!

Ну точно, Скукин. Вполне подходящая для него фамилия. Куплетист Скукин. Олежка по традиции переименовал услышанное на свой лад, сообразуя его с уже сформировавшимися ассоциациями.

Тот же голос продолжил.

– А про цингу не очень удачно. Надо бы поправить. И «хвоей» тоже неправильно.

– Классики и не так могли похулиганить. Хорошо, я подумаю.

Татьяна Степановна постучала в дверь.

– Юрий Алексеевич, мы пришли.

– Заходите, заходите, – ответил он неожиданно мягким голосом.

Ребятишки осторожно вошли в помещение. Пахло теплом и табаком. Какая-то дама извинилась и выскользнула в коридор. Скукин отставил гитару. Он был в той же водолазке, кудрявая шевелюра на голове была немного растрёпана, во взгляде отсутствовала вчерашняя строгость. Может, здесь

только что была Герда, растопившая лёд в сердце этого Кая, который всё променял на коньки?

– Сегодня мы будем проверять ваш вестибулярный аппарат, – сказал он, слегка потягиваясь. – Он очень важен для фигуриста. В последних словах снова прозвучали жёсткие нотки. Нет, это всё-таки была не Герда.

Все разинули рты – никто толком не знал, что за аппарат он имеет в виду. Татьяна Степановна, как и накануне, просила их принести только коньки.

Посреди комнаты стоял низкий станок, на который каждому из них предстояло вставать на одну ногу. Скукин слегка раскручивал стоящего вокруг своей оси и наблюдал, как тот удерживает равновесие.

Олежка сковырнулся со станка на первом же обороте. Тренер, как ему показалось, слишком резко крутанул его. Но второй попытки ему не предоставили. Олежка с грустью сидел в сторонке и наблюдал, как некоторые уверенно делали по три-четыре оборота. А всё потому, что здесь очень тепло. И накурено. Да и вообще, не очень-то мне и хочется заниматься этим вашим катанием. Подумаешь, обороты вокруг себя накручивать. Нет, лучше уж я в хоккей пойду. Это гораздо веселей, чем тут, у Скукина.

Только через много лет, уже старшеклассником, Олежка узнал, какова была настоящая фамилия тренера, и то, что он к тому времени уже стал известным бардом. Но эта ошибка была сущим пустяком по сравнению с той, которую он

мог бы совершить, оставшись в его секции. Потому, как совсем не мужское это дело, заломив руки, жеманно выписывать пируэты на льду.

Паровая машина времени

Запах паровозной гари врывается в купе.

– Кто это там опять открыл окно? А ну-ка немедленно закройте. Сейчас всё бельё сажей покроется!

Бабуля грозно смотрит наверх и грозит им пальцем.

– Вот паршивцы!

Они едут на Кавказ. Вся семья в сборе. Олежка с братом, лёжа на верхних полках, пристально вглядываются в мелькающие за окном пейзажи.

– Мой трактор!

– Моя корова!

– Мой мотоцикл с коляской!

Главное – увидеть что-нибудь раньше другого и успеть назвать его первым. И оно тут же становится твоим. Это страшно увлекательно.

За окном проплывают сельские дома, фруктовые сады, поросшие деревьями лоцины, извилистые речки и вздымающиеся над ними мосты. У переездов стоят автомобили. Тут важно не зевать и, выхватив взглядом самый большой из них, успеть присвоить его себе. И хорошо, если это будет какой-нибудь грузовой кран или тягач с прицепом. Весомая прибавка к твоей копилке дорожных трофеев.

Брату скоро наскучивает это занятие, он поворачивается на спину и прикрывает глаза.

– Ну, давай ещё, – упрасивает его Олежка. – Хочешь, я тебе свой танк на постаменте уступлю?

Тот неумолим. Снизу доносится запах варёной курицы. Значит, опять кормёжка. Есть совершенно не хочется, особенно эти яйца вкрутую. Он неохотно спускается вниз. Оттягивая до последнего предстоящую трапезу, не спеша наблюдает, как два сахарных кубика, осыпаясь и тая, медленно растворяются в стакане с чаем. Вот на дне остаются лишь две маленькие светлые горки. Теперь можно, взявшись за удобную ручку, осторожно поворачивать серебряный подстаканник и под разными углами внимательно разглядывать рельефные башни Кремля, отчеканенные на его стенках. Основательный и массивный, он надёжно удерживает в себе тонкостенный стакан. Рывки паровоза и ритмичный стук колёс на стыках рельсов сказываются лишь на приглушённом дребезжании в нём чайной ложечки. Кстати, на черенке у неё тоже любопытный рисунок, надо бы рассмотреть его поподробнее.

Мать недовольно поглядывает на него. Брат давно покончил с бутербродами и котлетой и уже забрался в своё гнездо, а он всё ещё о чём-то размышляет.

– Хватит мечтать, ешь, давай!

– Он ещё горячий.

– Не выдумывай!

Этот вагон не напрасно называется мягким. Здесь есть ещё и купейный и плацкартные, но в них жёсткие полки. А здесь сидеть очень приятно, и даже без матраца. Олежка чувствует свою сопричастность к этому комфорту и немного гордится этим. Потому, что, если бы не его великодушие, тряслись бы они в купейном. Почему великодушие, спросите вы. А всё очень просто.

На семейном совете встал вопрос о том, какие билеты покупать.

– Выбирай, – сказали ему родители. – Или мы едем в мягком вагоне, или покупаем тебе велосипед.

Первый класс он, памятуя о данном ему перед школой обещании и стараясь изо всех сил, закончил без четвёрок. Велосипед, конечно, очень хотелось, но можно было и потерпеть до следующего года. Тем более, что ездить на нём предстояло только ему одному, тогда как в вагоне ехали все.

– В мягком, – натужно посопев, выдавил из себя Олежка.

– Ну вот и молодец, я им так и говорила, – похвалила его бабуля, и довольная внучком, погладила его по головке. Он поёжился.

Интересно, а чем братец пожертвовал? Он тут же отогнал эту мысль. Ему велосипед никто не обещал.

Тем не менее, этот выбор для бабули вышел, по её образному выражению, боком, а если точнее, другой частью тела – ногой. И напрасно она ему так порадовалась. Хотя, как знать, случилось бы с ней эта неприятность, или нет, выбо-

ри он велосипед – никто предсказать не смог бы. Потому как причины того, что происходит с нами, могут быть совершенно нелепыми, если не вовсе отсутствовать на первый взгляд. Олежка где-то слышал, что война между двумя средневековыми городами-государствами в Италии началась из-за украденного колодезного ведра. Но факт остаётся фактом – когда они сделали остановку в Москве для пересадки на другой поезд, она умудрилась сломать ногу. И вот теперь, сидя в гипсе, она раздражённо стряхивала остатки паровозной копоти с простыни.

Во всём, конечно, виноваты внуки – и в этой саже, и в её сломанной ноге. А всё потому, что в Москве, зайдя на часок к родственникам, они с братом так увлеклись катанием на лифте – штука, весьма необычная для них, – что она вынуждена была спускаться пешком с третьего этажа. И по дороге оступилась.

По приезду выяснилось, что это всего лишь небольшая трещинка в бедре, и гипс вскоре сняли. А, может, это и не гипс был вовсе, а какая-нибудь лангетка с фиксирующей повязкой. Но сейчас это авторитетно именуется переломом и даёт ей все основания на остановках посылать отца, своего зятя, в привокзальный буфет за прохладной водой и периодически выдворять всех из купе для хитрых лечебно-гигиенических процедур.

Ездить в поезде Олежке нравится. Будь его воля – так бы и катался в нём всё лето до окончания каникул. Потому что

за окном всё время что-то меняется – то бескрайние поля, то реки, то города, каждый со своим характером и душой. Это сразу чувствуется. И запахи, особенно вечерние, по которым особо, с замиранием в сердце, ощущаешь приближение юга. На юге он ещё никогда не был и давно мечтал о том, чтобы там оказаться. Пусть он даже и без моря.

А сегодня уже появились первые предвестники гор. С утра это были просто холмы с белыми, взрытыми экскаваторами откосами и пыльными карьерами. Здесь добывается какой-то известняк, поясняет отец. Геолог в душе и по образованию, так и не завершённом по причине войны, он в этих вещах прекрасно разбирается. А когда в вечерней дымке мимо начинают проплывать очертания огромных, геометрически выверенных терриконов с идеально ровными откосами, он как-то особо оживляется. Здесь уже добываются руды. Но Олежка догадывается, что за его оживлением скрывается вовсе не профессиональная жилка. По этим исполинским рукотворным конусам, предвестникам чего-то большего, отец чувствует приближение родного Кавказского хребта и не может скрыть эмоций.

Олежка тоже ждёт горы с нетерпением: он уже так много знает о них по рассказам отца и стихам Лермонтова. Тот часто читает ему их наизусть. Это его любимый поэт. Но пока самое интересное для него, как и для каждого мальчишки – это разглядывание паровозов. Они встречаются почти на каждой станции, во многом схожие, но всё же разные. Как

братья-одногодки: на первый взгляд – на одно лицо, а при-
смотришься – ничего общего. Отличаются они и количе-
ством, и формой труб, и оскалом передней решётки, и вели-
чиной и цветом распластанной на дымовой коробке, чем-то
похожей на морскую, разлапистой пятиконечной звезды.

А на станции со странным растительным названием Ло-
зовая этих паровозов просто не счесть, и даже глаз не хвата-
ет, чтобы как следует разглядеть их во всех подробностях.
Отец говорит, что скоро им на замену придут электровозы,
а эти все пойдут на переплавку. Олежке искренне жаль их:
в них чувствуется какая-то основательность, внутренняя си-
ла и непокорность.

А когда они, фырча, выбрасывают пар из-под колёс
и упорно цепляются ими за рельсы при разгоне, то и во-
все кажутся одухотворёнными существами. Это впечатле-
ние усиливалось при виде того, как помощники машинистов
придирчиво осматривают их и заботливо обтирают ветошью,
как это делают конюхи, оглаживающие уставших лошадей.

Да и вообще, это путешествие во многом по-новому рас-
крывает его глаза на устройство окружающего мира. Он пе-
рестаёт казаться Олежке маленьким и понятным, как дво-
рик детского сада с его уютными беседками или как школь-
ный класс со стенами, увешанными уже навязшими в зубах
правилами написания «ЖИ-ШИ» и «ЧА-ЩА» и таблицами
умножения. На самом деле он огромен и многогранен, полон
скрытых смыслов и обещаний будущих открытий.

Он вдруг осознаёт, что вовсе не школа, как считают старшие, явилась для него тем рубежом, который призван отделять ребёнка от подростка. Им становится именно эта поездка. Как и то, что ей непосредственно предшествовало. Потому что, скорее всего, в тот момент, когда был сделан выбор между велосипедом и вагоном, он уже одной ногой пересёк его. И вот теперь эта паровая машина времени окончательно увозит его всё дальше и дальше из солнечного босоногого детства.

Он ещё не до конца отдаёт себе отчёт в том, что все его привычные попытки сводить всё новое к уже известному, находя что-то общее в их форме или в названии и зачастую наивно заблуждаясь в своих поисках, уже исчерпали себя, и постепенно они забудутся сами по себе и останутся в прошлом. Но уже сейчас он начинает понимать, что мир гораздо богаче его детских фантазий и примитивных представлений, а потому все свои суждения и выводы теперь он будет стараться делать с большей осторожностью, обстоятельней и взвешенней. Так, как это делает его отец.

Золотая шайка

После окончания первого тайма ребята покинули скамейку и молча потянулись в подтрибунное помещение. Вид у большинства был подавленный. Команда проигрывала со счётом «0—2» своим сверстникам из колпинской «Смены» в финальном матче турнира на приз «Золотая шайба». Зайдя в раздевалку, они стянули каски, сбросили на пол краги и повалились на лавки. Физрук обвёл взглядом подопечных, притихших на скамейках.

– Вы ползаете по льду... – он сделал паузу, с трудом удерживаясь от более крепкого выражения, – как вши по мокрой заднице. Значит так: панцири снимаем, играем в одних футболках. Налокотники можно оставить.

Ещё бы, не ползать, думал про себя Олежка. Форму выдали только два дня назад, и они даже толком не научились не то, чтобы кататься в ней, а даже надевать её как следует. Профессиональная хоккейная амуниция непривычно сковывала движения, и он ощущал себя в ней глубоководником, облачённым в громоздкое водолазное снаряжение. То, как оно выглядит, и неповоротливость, которую оно придавало водолазу, были знакомы ему по кинофильму какой-то тайне трёх океанов и об отважном старшине Скворешне. Ему казалось, что на голове у него болтается плохо закреплённый медный шлем со смотровым окошком, а штаны с защитными

вставками и панцирь с наплечниками нелепо раздувают фигуру, чуть ни не вдвое увеличивая её габариты. Правда, в отличие от шлема, каска была практически невесомой, но она постоянно елозила на голове, временами сползая на лоб и перекрывая обзор.

Руки в тугих, неразработанных крагах плохо чувствовались клюшку. И, хотя на ногах красовались чешские фирменные коньки фирмы «Votas» с заклёпками на полозьях – мечта каждого мальчишки, в них он ощущал себя таким деревенским Филиппком, только не в отцовской шапке, а в его валенках: коньки были размера на три больше требуемого. Мать накануне принесла их с работы, позаимствовав у одного из членов заводской хоккейной команды. Она, кстати, тоже находилась здесь, на стадионе, раскрасневшаяся и возбуждённая, и беспрестанно укоряла себя за столь легкомысленное решение приехать сюда для поддержки сына и команды. Болельщицей она никогда себя не считала и решительно сторонилась всего, что было связано со спортом. Но сегодня она устоять не смогла. И то, что это вызовет у неё такую бурю эмоций и столько нервных переживаний, она никак не ожидала.

– Краги тоже можно не надевать, – словно читая его мысли, добавил Виктор Николаевич. – А ремень на каске некоторым не мешает затянуть и потуже.

Это про меня, подумал Олежка, и взял в руки шлем.

Под два метра ростом, косая сажень в плечах – даром что

в прошлом борец – физрук пользовался заслуженным авторитетом у ребят. Заслуженным не столько за свои недюжинные антропометрические данные и любовь к профессии, сколько за некоторые методы воспитательной работы. В арсенале способов убеждения у него имелся один излюбленный педагогический приём, который он любовно называл «горчичником».

К нему прибегал не так уж редко, и использовал в качестве наиболее действенного и доходчивого аргумента в борьбе со злостными прогульщиками и иными нарушителями школьной дисциплины. Особо доставалось курильщикам, застигнутым на месте преступления – иногда та или иная классная руководительница просила его проверить туалетную комнату. В таких случаях он ласково, со словами «иди сюда, будем тебя лечить», приглашал провинившегося в свою каморку рядом со спортивным залом, где хранил свой инвентарь, зажимал его в позе богомольца между коленями и с отяжкой прикладывался кедом сорок пятого размера к ягодице.

Интенсивность процедуры определялась тяжестью провинности. Раздавался смачный шлепок, сопровождаемый сдавленным воплем, и через минуту сконфуженный пациент, потирая зону аппликации лечебного средства, появлялся перед своими сверстниками.

Эта практика использования «горчичников», как и в медицине, обладала устойчивым лечебно-профилактическим

эффектом. Опасение вновь оказаться в камере надолго удерживало многих от рецидива заболевания, а потенциальных восприимчивых к любому из недугов, влекущих к посещению этого места – от желания повторить «горький» опыт своих предшественников.

Но, что удивительно, никто из подвергшихся экзекуции, и даже не единожды, не жаловался на это ни директору школы, ни своему классному руководителю. Помимо осознания справедливости воздаяния за проступок, многие из сорвиголов не без оснований уповали на соблюдение какого-то негласного договора между ними и физруком, согласно которому за их неразглашение оценка по предмету не снижалась. Оценка, заслуженная на занятиях. Кстати, многие из членов команды, сидящие сейчас на лавках, были знакомы с легендарным кедом не понаслышке – в хоккее играли далеко не «ботаники».

Что же касается хоккея, то в игре этой Виктор Николаевич разбирался, скажем прямо, слабовато. В том смысле, что хоккейный тренер из него был никудышный. Правила игры он, конечно, знал, но не более того. И он сам, и многие в школе – да что там, в школе, даже в районе не предполагали, что, по сути своей, дворовая команда, победив своих сверстников, выйдет на городской уровень. Да и команды здесь, в Петергофе, были посильней и с традициями.

И ладно бы, только это – никто не ожидал, что там, в городе, эта сборная из маленького пригорода, к которой впол-

не подходил не очень лестный эпитет-приставка «подзаборная», справится и с другими противниками из числа мастеровитых, уже с именем, сплошь состоящих из учащихся специализированных спортивных школ, и окажется в финале турнира.

И вот тут-то спохватилась местная администрация. Как же так: ребятам играть в «Юбилейном», на главной спортивной площадке Ленинграда, где, наверняка, будет и городская пресса и, возможно, телевидение, а они, словно партизаны, одеты, кто во что горазд. Ну не позор ли для района? Им не в турнире «Золотая шайба», а в конкурсе «Золотая шайка» впору выступать. Так и выразился председатель исполкома, взглянув на команду после тренировки. И тут же поправил себя – даже не «золотая», а «залатанная».

Он дал указание снабженцам, и те в экстренном порядке закупили комплект детской хоккейной формы. Коньки вот только не успели приклепать к ботинкам – времени до матча оставалось два дня. И на клюшках сэкономили. Но ребята, несмотря на это, всё равно страшно обрадовались. Это надо же – их признали и уважают! Правда, к гордости от обладания формой – а потратили на неё, а как утверждали посвящённые, аж целых две тысячи рублей, сумасшедшие по тем временам деньги – примешивалась ещё и дополнительная ответственность. Нужно было оправдывать доверие старших.

Но руководству этого показалось недостаточным. На по-

мощь физруку срочно отрядили Кима Ивановича, старшего инструктора из районной спортивной школы. Тот, правда, с хоккеем тоже не особо дружил, но неплохо разбирался в футболе. А где футбол – там и хоккей, полагали они. К тому же он имел какие-то связи в городском спорткомитете, что тоже было немаловажно. Знал он и другие секреты подготовки чемпионов, в чём ребята вскоре смогли убедиться на собственной шкуре. Или почти на ней.

Ким Иванович прибыл в школу утром, накануне выезда команды на матч. Одет он был подобающе: светлая дублёнка, под ней – тёмно-синий шерстяной олимпийский костюм, в руках – большая сумка с эмблемой кого-то цветка с тремя полосками поперёк. Они заперлись с физруком в камерке и затихли. Видимо, разрабатывали секретный план на игру. Команда в ожидании инструктажа расселась в зале и стала раскладывать ещё не утратившую первозданный фабричный запах форму по баулам.

– Макс, теперь мы уже точно «залатанная шайка». – Олежка повернулся к своему однокласснику Вовке Максимову, демонстрируя ему хоккейный панцирь. – Латы у нас просто богатырские.

От уроков их сегодня освободили, но это никого особо не радовало. Переживания по поводу предстоящего матча отодвигали на второй план все остальные чувства.

Дверь в камерке открылась, и из неё показалась широкая физиономия Виктора Николаевича.

– Яковлев, иди сюда. Начнём с тебя как с капитана.

Юрка недоумённо пожал плечами и зашёл в каморку. Маленький и шустрый, он удивительно ловко просачивался между защитниками и оказывался один на один с вратарём. Капитаном же его выбрали, скорее, не за это. На первый взгляд трудно было разглядеть в нём лидера, и могло показаться, что он им стал по недоразумению или, как говорят, по приколу. Но за этой, далеко не богатырской, внешностью скрывалась душа настоящего бойца. К тому же он мог шуткой подбодрить упавшего духом товарища и метким словом пристыдить растяпу. Хотя всё это не мешало всем звать его Яшкой.

Через минуту он появился с довольно странным лицом, искажённым гримасой отвращения.

– Тебе что, горчичника отвесили? – ухмыльнулся Серёга Башкатов. – Для профилактики или в качестве аванса?

Сам он слыл заядлым курильщиком и приглашение в каморку по другому поводу как-то не воспринимал.

– Иди, сам узнаешь.

Башкатов с недоверием покосился на дверь, из-за которой снова высунулась голова Виктора Николаевича.

– Башкатов, давай, заходи, – обратился физрук к сидевшему поблизости Серёге. – Тебе не привыкать.

Тот насторожился.

– Да ладно, не переживай, не обидим.

Засопев, Башкатов поднялся и исчез за дверью. Вскоре

из каморки раздался сдавленный кашель и через несколько секунд он, зажимая рот рукой, появился на пороге.

– Ну и гадость! – выдавил он и натужно кашлянул. – Следующий.

На вопрос, что это было, он только пожал плечами. Любопытство нарастало, но никто из товарищей не мог или не хотел толком объяснить, что там происходит. Кто морщился, кто загадочно улыбался. Наконец очередь дошла до Олежки. Зайдя в каморку, он увидел инструктора, сидящего перед молочной флягой и усердно перемешивающего её содержимое здоровенным половником. Зачерпнув им в посудине, он наполнил стоящий на столе стакан какой-то мутноватой, с белёсой взвесью жидкостью и протянул его пареньку.

– Пей, не бойся. Это вода с глюкозой.

Олежка с недоверием взял стакан, поднёс его ко рту и сделал небольшой глоток. Раствор был сладковатым на вкус и не таким уж противным. Он выдохнул и, чуть не поперхнувшись, в несколько глотков допил остальное. Затем вытер рукавом губы.

– Молодец, – удовлетворённо кивнул инструктор. Он повернулся к физруку. – Не то, что этот твой Башкатов. Он уже, поди, портвейн из горлышка хлещет, а от эликсира здоровья ему, видите ли, дурно стало!

– Тот может, – согласился с ним Виктор Николаевич. – Доберусь я до него как-нибудь.

Наконец, с «допингом» было покончено, и им дали коман-

ду на выход. Два автобуса, выделенных исполкомом, один – для хоккеистов, другой – для болельщиков, поджидали пассажиров рядом со школой, урча моторами. Глава администрации, директор и секретарь комсомольской дружины пожелали отъезжающим возвращения с победой. Не хватало только благословения батюшки.

Олег даже не мог припомнить, что было с ними по дороге, и как он очутился на льду «Юбилейного». Всё это, казалось, происходило не с ним, а с кем-то другим и напоминало ему сон. К реальности он вернулся лишь в раздевалке, уже после первого тайма.

– Геша, что с тобой случилось? – Физрук тряс за плечи Гену Меркулова, сидящего рядом с ним. – Ты просто сам на себя не похож!

Меркулов был главной надеждой команды. Настоящий самородок, в свои неполные четырнадцать он виртуозно катался на коньках и в совершенстве владел клюшкой. Имея средний рост, на льду Гена казался чуть ли не наголову выше остальных – столь заметны были его действия. Порой он в одиночку мог решить исход всего матча. Хотя и без формы он выглядел тоже далеко не по-детски – его щёки, уже знакомые с бритвой, отливали синевой. Нередко представители команды побеждённых требовали у физрука предъявить Гешины метрики, считая его подставным игроком.

– Сам ничего не понимаю. Коньки не слушаются, бьют в ноги. Не могу толком развернуться.

Ким Иванович насторожился.

– Ты их давно правил?

– Накануне, как положено. Даже канавки проточил.

– А ну-ка, дай посмотреть.

Тот расшнуровал конёк и протянул его инструктору. Он провёл пальцем по лезвию и покачал головой.

– Слишком острые, а у них здесь тепло, поэтому ледяное покрытие рыхлое. При резком повороте коньки вгрызаются в лёд и скалывают его. Надо бы притупить.

Похоже, у многих была аналогичная проблема. Где же ты раньше был, подумал Олежка. Геша вытащил из сумки точильный брусочек и стал неуверенно водить им по лезвию конька.

– Этак ты их совсем загубишь. Надо бы поменяться тебе с кем-нибудь. У кого коньки не бьют?

Олежка на секунду задумался и затем стал расшнуровываться.

– Попробуйте мои, – он протянул конёк Киму Ивановичу.

– Эти, вроде, получше. Размер, правда, приличный. – Он сравнил его с Гешиными. – Ну, ничего, на два носка пойдёт.

Во втором тайме игра немного выровнялась. Геша поймал кураж и ему удалось отыграть одну шайбу. Болельщики команды, приунывшие было к середине игры, воспрянули духом. Но большего, к сожалению, достичь не удалось. Тем более, что к концу тайма некоторые игроки стали чувствовать странное недомогание, а Меркулов и вовсе схватился за жи-

вот. Олежка тоже ощущал смутные позывы, характерные для «медвежьей болезни», но списывал это на нервное напряжение.

Команда доигрывала матч в неполном составе. Геша выходил на лёд урывками, и большую часть времени проводил в туалете. Башкатов вместе с братьями Сашкой и Костиком Трифоновыми не отставали от него, временами нетерпеливо стучась в занятую кем-то из товарищей кабину. Яшкины усилия вернуть команде уверенность и боевой дух успеха не имели. В итоге колпинцы довели матч до победы, забросив им ещё одну шайбу.

По пути домой в автобусе царило мрачное настроение. Виктор Николаевич сидел рядом с Олежкой и молча смотрел в окно. Иногда паренёк чувствовал, как тот изредка бросал взгляд на инструктора спортшколы, сидящего на переднем сиденье, досадливо качал головой и хмурился.

В какой-то момент он пнул Олежку ногой.

– Почему проиграли? – задал он неожиданный, полный горечи вопрос, словно рядом с ним был не подросток, а маститый хоккейный эксперт. Олежка и сам был бы не прочь спросить об этом физрука, но по его потухшим глазам видел, что у этого, пусть и уважаемого в мальчишеской среде, но всё же простого школьного учителя тоже не было ответа на столь специфичный вопрос. Хотя, для него и так многое было ясным. Объективно рассуждая, они и без того прыгнули выше головы, и сетовать на фортуны, требуя у неё больше-

го, было бы вовсе нескромно. К тому же колпинской «Смелой» руководили профессионалы, и ребят в этот легендарный клуб набирали с раннего детства. Команда числилась в хоккейных грандах, и из года в год она по праву занимала первое место в различных городских турнирах. А они... Да и с глюкозой как-то не задалось.

– Лёд для нас какой-то непривычный. Мы же всегда только под открытым небом, на морозце играли.

– Это понятно. А что ещё?

– Вы бы об этом у Кима Ивановича спросили. Ему со стороны видней.

– Ему видней... Ему бы не школьную команду к золотой шайбе готовить, а бригаду золотарей работой обеспечивать, – в сердцах бросил физрук и снова замолчал.

Олежка перевёл взгляд на товарищей. По их лицам и царящей в салоне тишине он чувствовал, что делиться впечатлениями никому не хотелось. Яшка сидел понуро, Геша и вовсе надвинул шапку на лоб. Что греха таить – ещё недавно многие из них в глубине души мечтали увидеть себя участниками завершающей, всесоюзной стадии этого почётного турнира, а сейчас... Да, нелегко было расставаться с этими грёзами, спускаясь с неба на грешную землю. Огорчало также и то, что они, так ещё и не успев привыкнуть к своей новой форме, вынуждены были с ней расставаться. На следующий год для участия в городском этапе соревнований на смену им могла прийти более молодая, талантливая поросль, и то-

гда она смогла бы избежать подобной ошибки, получив эту форму загодя.

Но что он знал точно, это то, что большинству из здесь сидящих вскоре предстояло расстаться не только с хоккейными латами, но и, как Золушке вместе с боем курантов, с этой маленькой сказкой, в которой они все вдруг очутились. И снова превратиться в «золотую» или в «залатанную» – кому как нравится – шайку.

Трёхболтовое лето

Первое построение

– Аксельдорф!

– Я!

– Артюхов!

– Я!

– Воронов!

– Я!

Помощник командира капитан-лейтенант Засыпкин звонким, с хрипотцой, голосом продолжает зачитывать список студентов, прибывших к ним в экипаж. Вытянувшись в нестройную шеренгу, облачённые в выцветшие матросские рубы, они стоят на верхней палубе водолазного спасательного судна и щурятся в лучах утреннего солнца. Обычная утренняя поверка, проводимая перед подъёмом флага, сегодня дополнена процедурой знакомства экипажа с новыми бойцами, временно «призванными» сюда если и не для усиления боевой мощи корабля, то, хотя бы, для повышения уровня ай-кью, или коэффициента интеллектуального развития его личного состава.

Впрочем, такая задача перед ними не ставится. Здесь они должны пройти флотскую практику, обязательную для приращением им звания офицеров запаса. И, хотя большинству из них это звание совершенно безразлично, его наличие

освобождает от срочной службы в рядах славной советской армии после выпуска.

Вместе со щупленьким горластым помощником в смотре участвует и замполит. С бордовой папкой в руке, он вальяжной походкой следует за подтянутым, строгим с виду строевым начальником вдоль шеренги. Его выступающий вперёд животик плотно обтягивает кремовая рубашка. Хотя принято считать, что у моряков всё, что выше пояса – это грудь, на этот случай данное правило можно распространить лишь с большой натяжкой, приблизительно с такой же, в которой пребывает ткань его рубашки в означенном месте.

Остановившись рядом с Мишей Аксельдорфом, он придирчиво смотрит на его щёки, густо поросшие жёсткой щетиной.

– Вам бы, товарищ, побриться не мешало.

Он проводит ладонью по своему лоснящемуся подбородку, словно демонстрируя его в качестве образца для подражания.

Побриться бы не мешало...

Прибыв в дивизион аварийно-спасательных судов накануне вечером, пятикурсники корабелки ещё толком и не успели освоиться на этом судне. Первым, что бросилось им в глаза здесь, были покосившиеся кресты городского кладбища, тянувшегося вдоль территории военно-морской базы, сразу же за зданием штаба дивизиона. Это соседство выглядело весьма парадоксально, недвусмысленно намекая на тщ-

ту и никчёмность существования подобного рода флотской структуры. Более логичным и жизнеутверждающим была бы близость этого дивизиона со зданием профилактория или, на худой конец, с госпиталем.

Конечно, трудно ожидать, что каждая спасательная операция непременно должна проходить по сценарию, схожему с сюжетом голливудского фильма, заканчивающегося хеппи-эндом, но это соседство навевало совсем иного рода ассоциации, иллюстрируя собой известный своим чёрным юмором анекдот:

– Может, сначала в реанимацию, сестра?

– Доктор сказал – в морг.

На спасателе оказалось большинство из прибывших. Несколько человек разместили на водолазном боте, стоящем по корме от спасателя, а кого-то и вовсе оставили на базе. Принцип, по которому происходило распределение, был не ясен. Не исключалось, что у оставленных на берегу имелись серьёзные проблемы с вестибулярным аппаратом, а ведь именно он, как известно, отвечает за проявление морской болезни. Но никто не мог помнить, чтобы во время медкомиссии кого-то из них вертели на специальном кресле и потом предлагали пройти вдоль нарисованной на полу прямой линии. Причисленные к плавсоставу «счастливики» в глубине души хоть и тешили себя фактом признания своей флотской полноценности, но пока мало кто из них до конца осознавал, стоит ли откровенно радоваться этому

или завидовать оставшимся на берегу.

В числе большинства, направленного на спасатель, оказался и Олег.

Практикантам отвели довольно просторный кубрик в кормовой части судна. В помещении было жарко, вентилятор не помогал, что-то монотонно выло, с камбуза несло кислой капустой. Ночь прошла беспокойно. Мучила духота, временами что-то начинало подвывать, хлопали тяжёлые двери, топали чьи-то башмаки, судно покачивало – до сна ли тут. В шесть часов утра подъём – «Команде вставать!», а затем через каждые пять минут звонки-команды, команды-звонки. К построению далеко не все успели привести себя в порядок.

Стоя в строю, Олег, как и остальные, чувствует себя неким инородным телом в этом сложном организме, жизнедеятельность которого подчинена на первый взгляд довольно мудрёным, малопонятным для неискущённого в морской службе человека правилам и законам. Но вместе с тем во всей этой, казалось бы, никчёмной суете присутствует некая логика и заложен скрытый смысл.

Ещё не успев ознакомиться даже с искусством крепления гюйса к вороту форменки, и правильно, без привычной проверки в зеркале – их здесь просто нет – водружать на голову бескозырку, чтобы её ленточки не свешивались на плечо, он с чувством, похожим на зависть, всматривается в стоящих напротив моряков и пытается принять такую же бравую, и в то же время непринуждённую и независимую по-

зу. Но всё, что удаётся пока, это с трудом сдерживать зевоту и перестать переминаясь с ноги на ногу.

Тяжёлые, уже кем-то до него разношенные ботинки, именуемые на флоте – лучшего термина не подберёшь – словом «гады», несмотря на плотную шнуровку, болтаются на ступнях и создают необычное, столь бесполезное и ненужное здесь, а вовсе не там, где хотелось бы, ощущение внутренней свободы.

Замполит, казалось бы, ждёт реакции на своё замечание.

Миша молча смотрит поверх его головы куда-то в сторону кладбищенских крестов, и в его маслянистых задумчивых глазах сквозит не то досада, не то безразличие, как некая защитная реакция организма в ответ на вечно недружелюбно настроенную против него и его соплеменников внешней среды. Да, измельчали нынче комиссары, измельчали. Об этом ли мечтали их предшественники, кстати, многие из которых – его братья по крови, облачённые в чёрные кожаные регланы, с маузерами на боку, своими пылкими речами воодушевляющие народные массы и приводящие в трепет разного рода контру в ещё сравнительно недалёкие революционные годы? Наверняка где-то там, на погосте, покоится прах не одного из тех пламенных агитаторов, которые сложили головы в борьбе за лучшую долю, и не только для себя, заметьте, но и для простого народа. А нынешних, видите ли, его внешний вид не устраивает.

– Есть, побриться.

Заместитель, удовлетворённый фактом своей сопричастности к процессу поддержания уставного порядка на корабле, следует дальше.

Закончив осмотр, помощник рапортует командиру о готовности к подъёму флага. Звучит горн, и бело-голубой стяг взвивается над кораблём. Начинается первый день их пребывания на практике.

Вальяжной жизни – шкафут

Олег даже не успевает заметить, как пролетает первый день. Стандартная программа, как и в любом новом месте: знакомство с распорядком дня, правила противопожарной безопасности, основы борьбы за живучесть. Причём последняя почему-то воспринимается исключительно в негативно. В том смысле, что так обычно выражаются о негодях и преступниках, с которыми никак не справиться. Дескать – вот гад, живучий.

Слушать всё это скучно до ломоты в зубах, хотя понимаешь, что здесь мелочей нет – многие инструкции писаны кровью тех, кто легкомысленно пренебрёг ими в своё время. Далее – поверхностное знакомство с кораблём и его назначением. Как и при посещении музея, Олега уже в третьем отсеке начинает откровенно клонить в сон. Так же, как и разнообразные экспонаты – искусно выполненные ювелирные изделия или предметы прикладного искусства, выложенные на стандартных прилавках, закрытых стеклом, или полотна

известных мастеров в позолоченном багете рам, насыщающие предел эстетического восприятия ещё в первых залах музея, так и обилие однообразных корабельных приборов, надписей, пучков кабельных трасс и трубопроводов вскоре сливаются в единую картину, и речь механика, местного экскурсовода, воспринимается, как однообразный, монотонный фон.

Но запоминается главное. У каждого на корабле в своём заведовании имеется матчасть, которую он обслуживает и за которую отвечает. При этом все системы и устройства корабля расписаны за экипажем, и ничто не остаётся бесхозным. Даже не подверженные износу и повреждению чугунные кнехты, требующие, разве что, косметической подкраски к дню флота.

Перед тем, как получить в заведование что-либо, каждым сдаётся зачёт на самостоятельное управление этим чем-либо, чтобы пользоваться им и шибко не испортить. А, поскольку практикантов учить особо некогда, да и двух няnek у одного дитя быть не может, они так и остаются «безлошадными». Койка не в счёт: на этой лошади ни борозды не вспахать, ни покататься. Хотя, кое-что им всё же доверяют, чтобы не очень-то вальяжно здесь себя чувствовали. И называется это объектом приборки. Ибо ветошью его даже при большом желании испортить сложно.

Объекты эти закрепляются за всеми на утреннем построении на следующий день. Помощник командира после зачте-

ния их списка напоминает всем непреложную истину о том, что на флоте стрельба куётся на приборке. Интересно, в кого они здесь, на спасателе, стрелять собираются? Не в спасённых же! Может, конкурентов отгонять?

Олегу достаётся левый шкафут. Что это такое и где расположен неведомый доселе фрагмент корабля с этим загадочным названием, ему невдомёк. На помощь приходит Шура Венцель – этот объект им выделили на пару.

Шурик не напрасно слывёт знатоком флота и его славных традиций. Флот у него, наверное, в крови. Мать преподаёт в корабелке начертательную геометрию, отец – конструктор в проектном бюро. И не просто конструктор. Не то главный, не то ведущий. Вечная неразбериха с этими названиями, думает Олег. Ибо, по его разумению, ведёт тот, кто стоит во главе. Потому он и ведущий. А раз во главе, то он же и главный. В общем, беда с этим. А книги Соболева и Канецкого у Шуры буквально настольные. Да и с учёбой у него всё в порядке, даром что круглый отличник и «ленинский стипендиат».

– Идём за мной, – говорит он приятелю на следующее утро после прозвучавшей команды «Начать приборку». Он коротким путём – когда только успел так уверенно освоиться в коридорах спасателя? – ведёт его на палубу левого борта.

В носу палуба упирается в полубак с идущим навверх трапом, на юте обзор ограничивается помещением с дверью со скруглёнными углами. Дверь оборудована кремальерным

затвором, за ней – барокамера. Здесь проходят декомпрессию глубоководники после спусков. Сейчас она пустует, погружений давно не было. Шура обводит глазами окружающее пространство и поясняет, что это вот и называется шкафтом. Что бы я без него делал, думает Олег.

Здесь они не одни. В средней части этого самого шкафта, оперевшись спиной о закреплённую на кран-балке внушительную грушу водолазного колокола, стоит какой-то матрос. На потёртых погончиках его робы красуется пара золотистых лычек, пилотка на голове небрежно сдвинута на лоб, во рту – сигарета. Старослужащий, догадывается Олег. Увидев студентов, он подходит к леерам, делает пару затяжек и швыряет окурок за борт.

– На приборку? – интересуется он, глядя на студентов, и получив от Шуры утвердительный ответ, удовлетворённо кивает. – Приступайте. Я здесь старший.

– А делать то что?

– Возьми «раёк» в кранцах, обрез там же найдёшь. Вода – здесь, – он кивает на вентиль. – Ну и палубу драй. А ты, – он поворачивается к Олегу, – бери ветошь и протирай леера.

Матросу наплевать, что перед ним без пяти минут лейтенанты. Раз ещё толком не служили, значит, «караси». Сам-то он здесь уже третий год службу правит.

К удивлению Олега, у его приятеля не возникает никаких вопросов по поводу услышанного. Он по-деловому направляется в сторону металлического шкафа, примыкающе-

го к корабельной надстройке, раскрывает его дверцы и вытаскивает оттуда верёвочную швабру и тазик, наполняет его водой и принимается елозить шваброй по палубе. Управляется он с ней уверенно, со знанием дела. Да он никак срочную успел где-то пройти! – мелькает в голове у Олега странная догадка, но он тут же отгоняет её. Венцель, как и все они, на подобном корабле впервые, да и с кранцами раньше дело вряд ли имел. Но по нему не скажешь – эх он ловко этот «раёк» в обресе полощет!

На его вопрос, откуда у него такие тонкие познания в сленге, Шурик только пожимает плечами.

– Обычно её «машкой» называют. Ну, а где «машка», там и «раёк». Рая – тоже ведь имя женское.

Олег берёт протянутую матросом тряпку и начинает протирать стойки леерного ограждения. Пока так. А там, может, и стрельбу доверят!

Истинная ипостась замполита

На следующее день вчерашняя история с утренним построением повторяется. Переключка по алфавитному списку, осмотр внешнего вида. Замполит опять останавливается перед Аксельдорфом и делает ему прежнее замечание. Миша с широко раскрытыми глазами начинает искренне убеждать его, что он ещё накануне, сразу же после его указания, привёл своё лицо в идеальный порядок. А перед сном ещё раз побрился, на всякий случай. Ну просто эталон исполни-

тельности, образец для подражания!

Замполит ошарашенно смотрит на него – на первый взгляд Миша производит впечатление вполне вменяемого человека. Наконец, до него доходит скрытый, немного издевательский подтекст его ответа, и его щёки начинают багроветь. Он молча раскрывает свою вечную спутницу – красную кожаную папку с золотым тиснением, цветом напоминающую его лицо, и достаёт из неё лист бумаги. Все замирают: неужели он занесёт его в какой-нибудь чёрный список для доклада руководителю практики? Но замполит поступает иначе – он берёт лист двумя руками, подносит к Мишиному лицу и свободным краем листа проводит по его щеке. Раздаётся отчётливый скрежет.

– Чтобы я этого больше не слышал! Вам понятно?

Миша кивает. Замполит продолжает смотреть на него, ожидая чего-то большего.

– А правила субординации вам, товарищ студент, известны?

– Так точно, – спохватившись, вспоминает Миша нужное словосочетание.

На перекуре товарищи обступают Аксельдорфа, начинают подтрунивать над ним. Дескать, ты становишься узнаваемой персоной, пользуешься популярностью у замполита. Миша держится невозмутимо.

– Прежде я лишь смутно догадывался, зачем им здесь, на этом затрапезном судёнышке, политработник. И для че-

го ему эта папка. Теперь знаю точно. Он водолазов перед погружением осматривает, чтобы те своим видом терпящих бедствие моряков и прочих обитателей подводного мира не отпугивали. Русалок, к примеру. Заместитель командира по бритью. Зампобрит.

Прогары

Каждый проведенный здесь день приносит им всё новые и новые открытия. Вот и сегодня к «шкафуту» и «кранцам» добавилось ещё одно понятие – «прогары». Но об этом – по порядку.

На вечернем построении экипажа помощник распекает какого-то бойца за несоблюдение надлежащей формы одежды. В отличие от остальных, на его ногах не ботинки, а кожаные тапочки. В своё оправдание тот упоминает какие-то «прогары», которые он сейчас чинит. Большого разобрать не удаётся. Да и предмет диалога никого особо не волнует. Большинство мечтает о вечернем чае и скором отбое.

Сергей Артюхов, стоящий на краю шеренги, становится невольным свидетелем этой разборки. Судя по его лицу, эта беседа чем-то заинтриговала его. Как выясняется позже, неподдельный его интерес вызвал прозвучавший вскользь термин «прогары», и Сергей теряется в догадках. Видимо, рассуждает он, это связано с энергетической установкой, в которой при долгой или неправильной эксплуатации и возникают эти самые «прогары», которые и нужно периодически-

ски чинить. А в «гадах» устранять эти дефекты никак не положено, и даже опасно, потому как, работая в них, можно повредить ещё что-нибудь, ценное и хрупкое.

А, может, ступни ног должны быть особо чувствительными, способными эти «прогары» нащупывать их или обходить стороной, чтобы не проваливаться. Вот он и обут соответствующим образом – в тапочки. А судя по тому, что начальник после этого объяснения оставляет моряка в покое, довод это его вполне удовлетворяет. Это ещё больше убеждает Артюхова в справедливости своей догадки. Но его продолжает терзать любопытство, где же эти загадочные «прогары» возникают и как они выглядят.

После отпуска стоя он разыскивает нарушителя формы одежды и пристаёт к нему с расспросами – что это за «прогары» такие, к которым нужно подступаться только в тапочках.

Каково же его удивление, когда выясняется, что «прогары» – это всего-навсего обыкновенные флотские «гады», с тем лишь отличием, что они без шнурков, на резинках. Почему без шнурков – чтобы легче сбрасывать, если оказался за бортом. А у моряка они прохудились.

О своём открытии Артюхов рассказывает товарищам на перекуре. Просвещённые, они кивают, понимающе. Но само происхождения этого слова остаётся загадкой. Но только не для Венцеля.

Он поясняет, что в петровские времена, когда вводилась форма на флоте, так назывался пчелиный млей, который

не горел, а плавился. И в воде не растворялся. Им то и клеили подошвы к своим ботинкам моряки.

Их ай-кью продолжает расти.

Покурим?

К компании курящих присоединяется Миша Аксельдорф.

– Покурим? – говорит он своему приятелю. Это его традиционный вопрос-обращение подразумевает просьбу сигареты, поскольку своих у него, зачастую, не водится.

Артюхов протягивает ему пачку. Тот невозмутимо вытаскивает из неё сигарету и достаёт из кармана спичечный коробок. С этим у него проблем нет.

– Миша, а вот ты прикинь: я давно собираюсь начать курить поменьше. И, может, так станется, что в недалёком будущем я буду ограничиваться одной сигаретой в день! Да я и так уже был близок к этому, если бы не эта практика.

Миша недоверчиво смотрит на приятеля. К чему это он клонит?

– Так вот, если бы это произошло уже сейчас, то, беря у меня эту сигарету, ты бы меня на целый день меня курева лишал! Ты это осознаёшь?

Миша перестаёт затягиваться и переводит лукавый взгляд на приятеля.

– Ты эту сигарету мне уже подарил?

– Ну да.

Он гасит её и протягивает оставшуюся половину Сергею.

– Держи, это тебе на будущее. Убери её подальше. Судя по твоим планам, скоро тебе её хватит на целых полдня. А сейчас в счёт этого выдай мне половину твоей нынешней дневной порции. И попробуй возразить, что этот обмен не равноценный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.